

Вниз по улице Теней

Автор:

[Кейлет Рель](#)

Вниз по улице Теней

Кейлет Рель

Что делать, если вы оказались по ту сторону от мира людей? Вокруг вас оборотни, феи и ведьмы, а древнее зло хочет сожрать вашу бессмертную душу после одного неудачного ритуала. Еще и парень, в которого вы влюбились, оказывается истинной парой вашей подруги. Вот в такой ситуации оказалась Анна. Ей еще многое предстоит узнать о мире, в котором она оказалась. Главное – не потерять себя среди Теней, не утратить доброты и честности, и, конечно, найти свое счастье.

Кейлет Рель

Вниз по улице Теней

Глава 1. По ту сторону изгороди

Анна смотрела в узкий проулок между домов, ведущий к набережной. Внизу, шелестели деревья, стрекотали зазевавшиеся после лета насекомые, а над всем этим плыл сладкий прянично-цветочный аромат. Анна не верила этой улице. Цветочная забрала у нее самое важное, оставив после себя липкий отпечаток. Эта гадость – воспоминания – никогда не отмоется.

Анна не хотела больше вникать в тайны города, в который ее закинула судьба. Она вспомнила щербатую улыбку старушки, в руках которой был пакетик дамских пальчиков, и злую усмешку Арсения, оказавшегося колдуном. А темные щупальца существа, появившегося во время ритуала? Это уж слишком.

Анна даже не стала звонить в полицию. Как она объяснит им появления двух трупов в одном маленьком доме? Одно из тел, кстати, принадлежало ей. До сих пор в голове не укладывалось, что именно случилось в том доме.

И как так вышло? Вот она, Анна, стоит на оживленном проспекте, и там, вниз по лестнице, в доме тридцать три лежит она, Анна. Думать об этом не хотелось. Там была не она. Клеенки, кровь, куски мяса – то, что от нее оставил этот урод. Но это не может быть ею.

Люди словно не замечали стоящую посреди тротуара девушку. Кто-то вежливо огибал ее, кто-то налетал, чуть не сбивая с ног, и спешил прочь безо всяких извинений. Анна стала невидимкой для них. Никто не подошел спросить, почему она плачет.

Как же так вышло? Анна прикрыла глаза. Ставшие полупрозрачными веки смазали картинку, превратив яркую неоновую ночь в серое туманное утро. В голове замелькали образы. Анна, смерть, тело, заклинание, знания. Бог. Его имени никто не знал. Анна поняла, что ритуал Арсения помог ей приобрести нечто очень и очень ценное, но за это пришлось отдать жизнь. Вот только чью? Забрали-то Арсения, а не ее. И все же она не чувствовала себя обычной, нормальной. Страшное осознание билось где-то на периферии, но Анна упорно его не подпускала. На сегодня хватит. Этот день она проживет обычно, а на следующий пойдет и разберется.

Анна вздохнула. Ей пришлось приложить усилие, чтобы отогнать безразличие и принять то, что пряталось где-то глубоко в ней. Страх. Неуверенность. Злость. Холодный осенний воздух приятно бодрил. Анна побрела прочь, смешавшись с пестрой толпой.

Путь в общагу оказался куда легче, чем дорога до Арсения. Юбка не путалась в ногах, а холод не казался проблемой, будто Анна могла включать и выключать свои чувства по желанию. Она проходила мимо светящихся витрин ночных заведений и шумных компаний, но никто даже не обратил на нее внимания.

Никаких “кис-кис” или свиста. Анне нравился такой вот спокойный вечер, когда можно идти и думать о своем. Она даже случайно прошла на красный, но никто не сигналил и не возмущался. Впрочем, притормаживать водитель тоже не стал. Анна улыбалась своим мыслям. Вот Светка-то удивится!

Анна шла на свидание к самому загадочному и милому парню на курсе, а в итоге вернулась не с историей о его постельных подвигах, а с каким-то скомканным сюрреалистичным рассказом о собственной кончине. Честно говоря, она даже не понимала, как объяснить Светке, что это не выдумки. Анна вернулась, но при этом не вернулась. Парадокс. С такими мыслями она подошла к неприметному зданию, облицованному красным кирпичом. Под слоем твердости скрывалась гнилая древесная мякоть, готовая развалиться от малейшего щелчка. Это доказывало и присутствие очередной бригады ремонтников.

В общежитии опять чинили трубы. Дверь оставили открытой нараспашку, чтобы каждый раз не доставать пропуск и ключи. Анна аккуратно прошла мимо наваленных у входа строительных материалов и инструментов, обошла компанию из трех препирающихся сантехников, а затем поднялась по лестнице на третий этаж.

По коридору расставили ведра и небольшие тазики. Кажется, ЖКХ в кои-то веки готовились к сезону заранее и решили предотвратить потоп, который по рассказам старшекурсниц случался каждую осень и весну. Анна скользнула в дверь с истершимся номерком, за которой начинался небольшой коридорчик. В их обители пахло парфюмом и чем-то цитрусовым. Должно быть, кто-то из девочек решил купить ранние апельсины. В их небольшой комнатухе сидела Светка и усердно водила розовым камешком по лицу. Массаж делала, видимо.

– Я дома, – сообщила Анна, проходя к своей кровати. – И ты не поверишь, что сегодня произошло!

Светка молчала. Похоже, массаж лица увлекал ее куда больше, чем история про Арсения.

– Да ладно тебе, не дуйся, – улыбнулась Анна. – Знаю, ты сама хотела к Арсению сходить, но уж поверь мне – хорошо, что к нему попала я. Он такое сделал... Жесть!

Никакой реакции, будто Анны вообще тут не было. Она хмуро посмотрела на соседку. Светка деловито водила камешком по коже, погружившись в процесс, как говорится, с головой. Перед ней стояло небольшое зеркало на металлической ножке: отличное решение для тех, кто любит покрасоваться на парах, но не хочет отстаивать часы в очереди в ванную. И его гладкая поверхность притягивала взгляд соседки сильнее, чем растрепанная истончившаяся до ужаса Анна. Было даже немного обидно. Не всегда подружки замечают новенькую прическу, тут как бы ладно, но столь разительные изменения в облике пропустить трудно.

Анне показалось странным, что соседка игнорирует ее настолько искренне. Обычно Светка демонстративно фыркала и отворачивалась, всем своим видом показывая, что она готова простить провинившуюся, если та будет умолять, но ни секундой раньше. Сейчас все было иначе.

Анна прикрыла глаза и увидела комнату будто со стороны, словно жизнь позволила ей заглянуть в окошко общаги. Две кровати, почти развалившийся шкаф еще советских времен, куча постеров на стенах с актерами из Сверхъестественного и Stray Kids. Две кровати. Одна строгая, чистые стены, по-солдатски заправленная, у изголовья стопка книжек. Другая с махровым пледом, сверху развешены дешевые гирлянды для красоты и уюта, а на столике раскиданы обертки от конфет и кружки из-под чая.

В комнате сидела Светка.

И пустота.

– А я где? – жалобно спросила Анна.

Ответа не последовало. Происходящее казалось слишком иррациональным, слишком неправильным.

“Разве я могла умереть? – подумала Анна. – Это же просто нечестно. Как так вышло, что это – все?”

Анна знала, что с той минуты, как щупальца чернильного тумана заползли в чашу и ритуал завершился, она каким-то чудесным образом знала. В ее голову приходили ответы, стоило задать вопрос. Пусть иногда их оказывалось тяжело

понять, они никогда не лгали. Каждая мысль раскрывала для Анны кусочек мира, до этого даже не попадавший в ее поле зрения. Сомневаться не приходилось: если нечто в ее голове говорит, что в комнате только Светка, так оно и есть.

Анна поднялась с кровати. Она заметила, что не слышно привычного скрипа, да и матрас не просел под ее весом. Анна выбежала за дверь, чувствуя, что теряет контроль. Какая-то часть ее все еще надеялась, что это лишь страшный сон. Нужно подышать, успокоиться, и все наладится.

Другая, хладнокровная, четко знала – это конец. Это случилось. Пути назад нет.

Нужно было проверить. Для той, бесконечно юной и легкомысленной Анны, такие вещи требовали весомых доказательств. Она зашла в соседнюю комнату, где жила девочка-третьекурсница.

В спальне царил настоящий бардак, будто по комнате прошлось торнадо. Или пошалила толпа цыганок, которым срочно понадобилась гримерка, и им предоставили эту комнату. В центре стояла двуспальная кровать, а на ней сидела по-турецки Диана. Единственным источником света были свечи вокруг ноутбука третьекурсницы.

Анна нахмурилась. Если бы коменда узнала, что тут творится, всему этажу головы пооткручивала бы! Мало того, что по уставу студенткам не положены двуспальные кровати, так еще и горящие свечи, хоть одна – угроза пожара, и как бы ты не сетовала на старую проводку и невозможность хоть как-то спокойно поработать ночью, не мешая соседям – отберут, так ещё и нотацию прочитают за неумелые попытки «доучиваться» после отбоя.

Диана не обращала на Анну никакого внимания, как и Светка, и увлеченно стучала по клавиатуре. Вокруг нее лежал ворох самых разных нарядов: корсеты, чулки, элегантные длинные перчатки, шелковые пижамки, боа немислимых расцветок и даже несколько шляпок. Такому разнообразию позавидовал бы любой карнавал, но все выглядело каким-то новеньким и совсем не ношенным. С пояса для чулок даже ценник не сняли.

Диана сидела посреди всего этого безобразия в простенькой синей футболке и трусах. Ее русые волосы свободно падали вниз, касаясь плеч. Свечи бросали на

лицо третьекурсницы причудливые тени, то подчеркивая красоту Дианы, то делая ее хищной и пугающей. Анна замялась.

Она и при жизни не очень хорошо знала Диану, а сейчас так вообще. Нечего человека беспокоить. Хотя в нынешнем состоянии она вряд ли сможет хоть кого-нибудь разволновать, ее же даже на улице не замечали. Теперь понятно, почему Анна так спокойно добралась до общаги. Ей стало на мгновение как-то очень жаль себя, так, что хотелось погладить по голове, купить шоколадку и уехать к любимой бабуленьке. Однако она была уже не в том возрасте, чтобы рыдать на плече своей родственницы, утирая сопли халатом. Пора взять себя в руки и разобраться уже, что происходит.

Анна тоскливо посмотрела в окно, за которым плясали свой причудливый танец когтистые ветки деревьев. Если так подумать, единственным местом, где она могла получить ответы, был дом Арсения, а туда возвращаться не хотелось.

“Завтра займусь”, – подумала Анна и из любопытства подошла чуть ближе, решив хотя бы заглянуть в экран ноутбука.

Какая разница? Она мертва и дел у нее никаких не предвидится, так что попробует стать вуайеристкой. Внезапно Диана вскинула голову. Ее скулы вспыхнули оранжевым светом от отблесков пламени.

– Ну? – сказала она.

Анна молчала. От неожиданности она совсем растерялась и не понимала, как себя вести. Третьекурсница напряглась.

– Чего стоишь? – сказала Диана. – Тебе делать больше нечего? Если надо что-то одолжить, так и скажи. Косметика на тумбочке. Чего над душой стоять-то?

– А ты... – прошептала Анна, – ты меня слышишь?

– Я, конечно, пару раз включила кальянный рэп по ошибке, но уши у меня все же не отсохли, – хмыкнула Диана. – А ты чего бледная такая? Совсем убитая. Случилось чего?

Раздался громкий смешок. Кажется, это Анна не выдержала. В ее голове вспыхнула целая череда образов. Арсений. Смерть. Щупальца тумана. Свет из чаши.

– Вроде того, – медленно произнесла она, до конца так и не поняв, стоит ли вообще сообщать об этом. – Меня убили.

Диана отпрянула. В ее карих глазах ужас мешался с любопытством. По пухлым губам третьекурсницы скользнула лукавая усмешка. Кажется, последнее победило.

– Издеваешься?

– Нет. Светка меня не увидела.

– А-а-а, – понятливо протянула Диана. – Смертные не видят, так что не принимай близко к сердцу.

Анна задумалась. Ее взгляд прошелся по полкам, уставленным романами и манхвой, затем перескочил на огромное зеркало и остановился на стене, где из маленьких открыток вырисовывалась пятиконечная звезда. Анна посмотрела на Диану, свечи. Что-то было не так. Свечи лежали на махровом покрывале как попало, россыпью, некоторые стояли под углом, едва ли не касаясь вещей. Пламя каждой застыло аккуратной жёлтой каплей, не смея даже шелохнуться. Воск не капал. Свечи будто замерли, послушно отдавая свой свет Диане, но стоило ей шелохнуться, как пламя тут же принималось плясать. Впрочем, огонь будто боялся трогать вещи третьекурсницы.

– Что значит смертные? – спросила она, заставив себя посмотреть Диане в глаза.

– Ну, простые. Понимаешь, есть две половинки мира. Обычная, где ты с другими смертными жила до этого, и моя. Вот ты сейчас по ту сторону изгороди, где живут другие создания. Их много. Ничего, привыкнешь.

Диана ласково улыбнулась. Ее мурлыкающий голос успокаивал. Анна глубоко вдохнула, стараясь почувствовать церковный аромат воска и ладана. Странно было дышать им в таких обстоятельствах. Все вокруг было таким сонным,

расслабленным, пыльно-уставшим. Хотелось прилечь и отдохнуть, помечтать, подумать о приятном.

- Даже не хочешь спросить, кто я? - прошептала Диана.

Анна забыла почти обо всем, нырнув в ее голос, будто в теплую ванную. Думать не хотелось. А надо.

Анна привычно прикрыла веки, задаваясь вопросом, кто такая Диана. Вялое течение времени мешало сосредоточиться, образы так и не появились в голове, лишь в груди что-то затрепетало. Анна открыла глаза, хоть в этом и не было надобности. Полупрозрачные веки не мешали видеть.

- И кто ты? - спросила она.

Диана улыбнулась и придвинула к Анне ноутбук. На экране светилось что-то розовое, светлое, ряды букв и пестрые обложки. Кажется, это был сайт с кучей романов.

- Ты читаешь? - спросила Анна.

- Нет, - лукаво улыбнулась Диана, - я пишу. А потом ем.

- На заработанные деньги покупаешь еду? Классно.

Анна не понимала, к чему ведет третьекурсница. Та залиvisto рассмеялась и ткнула на одно из названий. Открылась книга и окошко с комментариями к ней.

- Присмотрись, - посоветовала Диана.

Анна прищурилась, изо всех сил стараясь понять, что же ей нужно увидеть. На кровати она заметила лепестки роз, жемчужинки и тарелку, в которой лежали створки устриц и хвостики креветок.

Пока что ничего подозрительного. А вот между скрещенных ног Дианы валялся камешек. Его матовая поверхность переливалась, будто перламутр, а внутри горело алое пламя. Всмотревшись, Анна поняла, что от ноутбука к нему тянутся

тонкие красные нити.

– Что это такое? – воскликнула она. – Магия?

– Ммм, это любовь, – мечтательно произнесла Диана, прижав ладошки к груди. – То, что меня кормит.

Анна поняла. От ее сердца к Диане тоже тянулась тонкая красная нить. Анну всегда как-то немного тянуло к третьекурснице, стоило пересечься на парах или в общежитии. Знающая, волнующая, далёкая.

Сейчас она потихоньку догадывалась, что к чему.

– Ты суккуб, – обвинительно ткнула она пальцем в ноутбук.

На обложках красовались мужчины с голым торсом и девушки в тонких платьях, едва, наверное, проходящих цензуру сайта. Персонажи искушали, но взгляд Дианы предлагал куда больше. Ее губы дрогнули. Улыбка появилась и тут же исчезла.

– Да. Вот только у меня очень мало времени. Сама знаешь, учеба, семья, да и отдохнуть надо. Поэтому я решила стать писательницей.

– И как это работает? – спросила Анна, с недовольством рассматривая тонкую красную нить у своего сердца.

– Люди читают. Люди любят. Люди хотят еще, – мягко протянула Диана. – И их эмоции приходят прямо ко мне: похоть, восхищение, радость, нежность. Ими я и подпитываюсь. Конечно, вживую их немного больше, но вживую не получится так разогнаться. А книги читают сотни, тысячи людей!

Анна представила. Анна ужаснулась.

– Как много ты забираешь?!

– Ой, да ладно тебе, – отмахнулась Диана. – Ты сама хоть что-то чувствуешь? Неужели тебе жалко толику радости для подруги?

- Нет.

- Ну вот. А мне и крупинки хватит, чтобы и дальше жить припеваючи.

Анна кивнула и провела пальцем по огоньку ближайшей свечи. Тот затрепетал, зашипел, будто рассерженный кот, пригнулся к воску, будто сама мысль о соприкосновении с призраком причиняла ему боль. Анна со вздохом спрятала руку в карман.

- Ты бы тоже придумала, чем питаться, - заметила Диана. - Светишься вся. В плохом смысле. Если не будешь поддерживать то, чем сейчас являешься, исчезнешь.

- Знать бы еще, чем я сейчас являюсь, - грустно улыбнулась Анна. - И как вообще едят души, призраки?

- Вряд ли подойдут бутерброды.

- А романы я писать не умею.

- Не найдешь ничего - исчезнешь. Никто и не вспомнит, - погрозила пальцем Диана.

Потеряв всякий интерес к стоящей рядом полупрозрачной первокурснице, она вернулась к своему любимому занятию. Диана щедро отвешивала комплименты своим читательницам, поощряя любые их догадки на тему будущего мужа главной героини. Никто и догадаться не мог, что ее персонажи будут вместе. Все. А чего обделять людей, пусть и вымышленных, любовью? Диана наслаждалась радостью, счастьем, бесконечным током энергии.

Анна понаблюдала за происходящим, а потом все же решила выйти. Свет свеч уже напрягал, а голова кружилась от тяжелого аромата благовоний.

Стоило немного проветриться, а там уж придумает что-нибудь. Анна выскочила из общежития, обогнув все еще курящих и матерящихся сантехников, и направилась к набережной. У воды всегда лучше думалось.

Ее беспокоили слова Дианы. Да что уж там, у нее была куча причин для тревоги. Ее знакомая – суккуб. Сама она – труп, пусть и жизнерадостно бегающий по улицам города. И если ничего не сделать, ее забудут. Анна исчезнет, будто никогда и не было ее.

Подумав, девушка подошла к участку. По какой-то причине она не могла контактировать со “смертными”, но вроде как мир готов был с ней взаимодействовать. Добыв себе крохотный листочек бумаги, легко оторвавшийся от объявления, и достав из кармана огрызок карандаша, Анна написала: “Цветочная, 33. Произошло убийство”. Она сунула записку дежурному полицейскому в журнал и пошла прочь. На этот раз Анна даже и не думала срезать путь через частники.

Глава 2. Блуждающие огни

В городе полно мест, о которых вы можете даже не подозревать. Анна не знала ни единой его тайны, пока колдун не приобщил ее к теневой стороне жизни. Точнее, Арсений планировал лишь использовать какую-нибудь глупенькую однокурсницу в своих ритуальных целях. Видимо, Анна оказалась не такой уж и глупенькой. Если полиция все же соизволит съездить по тому адресу, что она указала в записке, они обнаружат два трупа и следы других преступлений Арсения. Анна знала, что он успел натворить немало дурного.

Она шла по городу, разглядывая идущих мимо людей. Раньше толпа для нее была любопытным калейдоскопом, в котором смешивались жизнерадостные блестяшки улыбок с темными бусинками апатичных взглядов. Сейчас по городу бродили люди и другие, странные создания. Анна ни за что не отличила бы их от смертных, если бы не эти маленькие приметы: то ниточка энергии метнется, то клык блеснет, то хвост дернется под юбкой. Люди будто не замечали их.

Анна задумалась: сколько раз она сама вот так проходила мимо такого создания, просто притворяющегося человеком? Смертные явно уступали им во всем, хотя бы потому, что не знали. Информация зачастую становится самым сильным оружием, так что у людей явно намечались проблемы. Анна наблюдала.

В дыхании ветра у набережной чувствовалось что-то потустороннее. Анна боязливо поежилась, когда очередной порыв со стороны воды донес до нее запах застоя и прелых листьев. По берегу прогуливались парочки, мамочки с колясками торопились увести детей домой, ужинать. Были здесь и одиночки. Анна к ним себя и относила.

Кто-то назовет прогулки по набережной романтичными, но все зависит от компании. Когда ты один, ты отчужден. Некому ухватить тебя за локоток и увести к свету. Когда ты одинок, блуждания в ночной тьме кажутся вечными.

Анна неторопливо шла вдоль низенького заборчика, который отделял твердую землю от зыбкой жидкости, в это время больше похожей на черную гуашь, чем на воду. Волны бились о бетон и с булькающим звуком размазывались по нему. Анна погладила подвешенный к забору замочек с чужими инициалами. Ей хотелось однажды повесить такой для них с Арсением. Было бы романтично. Анна захихикала. Что ж, умереть в один день – тоже романтично, если не учитывать контекст.

Изрядно повеселевшая Анна направилась дальше. В городе было несколько мостов, и ей хотелось обойти их все. Усталость она не чувствовала, а холод скорее ощущался как характеристика окружающего ее пространства, но не как проблема. Вероятно, в таком состоянии куртка ей вообще не понадобится.

Мимо проходили шумные подростки и смеющиеся взрослые. Один раз в Анну чуть не врезался малыш на самокате, за которым едва поспевала болтающая по телефону мамочка. Вечер был спокойным, но с толикой осенней меланхолии. К картине добавляли тоски остановившиеся у перил одиночки. Анне захотелось узнать, что они чувствуют, когда замирают у воды, опираясь на холодный металл, и смотрят в мерно покачивающийся кисель из водорослей и речной мути. Она приблизилась к первому попавшемуся и встала рядом.

Это был молодой парень лет 20-25, с короткой небрежной стрижкой и хмурым лицом. Он стоял, положив локти на перила, и наблюдал за кружащим по воде листочком. Волны мотали это яркое желтое пятно туда-сюда, не позволяя прибиться к бетонному берегу, но и не унося от него далеко, где течение было сильнее. Кажется, парень хорошо понимал, что чувствует этот листочек. Он поджимал губы и кривился, когда его маленький друг вновь начинал болтаться по воде без смысла и без цели.

Глаза парня сверкали в темноте, будто тлеющие угли, а по нижней челюсти изредка проходила рябь. Он явно относился к другим, нелюдям. Анна боялась подойти ближе, но любопытство требовало еще хоть немного понаблюдать за ним.

Ради чистоты эксперимента она встала в похожую позу и принялась смотреть за тем же листиком. Зрелище было не самым захватывающим, а ещё от воды пахло как-то странно. Если бы Анну попросили описать, чем, она бы назвала это потусторонним.

Парень лег грудью на перила, делая расстояние между собой и густотой тьмы слишком маленьким. Анна напряженно смотрела на отблески фонарей в волнах. Казалось, будто река улыбается тысячью белоснежных клыков им обоим, вот только очарованию поддается лишь парень. Из-за его спины Анна разглядела блеклую дымку и тут же напряглась.

По тротуару расплывалась лужица чернильного тумана, вытягивающаяся в огромный овал. Язычки мрака отрывались и растворялись в воздухе. Анна уже была знакома с такого рода дымкой: эта штука пыталась сожрать сначала ее, а потом всосала Арсения. Знакомиться с ней поближе не хотелось.

Парень не замечал происходящего, слишком занятый своими мыслями и болтающимся по воде листочком. А из дымки появился Он. Можно было не знать ни одной легенды, никогда не читать мифологий, но увидеть его и сразу все понять. Собиратель душ выглядел как Смерть, как величайший страх людей и, одновременно, как самый желанный гость для многих. Он был элегантен, но пугал своей беспристрастностью. К нему можно было бы проникнуться симпатией, если бы не эта аура могильного холода.

Жнец направился к парню.

Анна охнула. Прямо на ее глазах сейчас убьют человека! Точнее, он должен погибнуть сам, а Жнец его заберет. Какая разница, все равно – трагедия.

– Эй! – вскрикнула Анна. – Эй, стой!

Ее не услышали. Парень подался вперед, пытаясь разглядеть что-то в воде.

– Прекрати!

Анна кинулась к нему и на всей скорости врезалась в бок, пытаясь ухватить парня за плечи и оттащить подальше от собирателя душ, слуги Смерти. Ее полупрозрачные руки скользнули мимо, даже не задев ткань пиджака. Анна пролетела сквозь парня, заставив того удивленно вздрогнуть и на долю секунды отвлечься от воды. Незнакомец обернулся, увидел лишь пустую темную улицу с тускло мигающим вдалеке фонарем и вернулся к созерцанию. Он не слышал Анну. Она не могла его предупредить.

Леденя от ужаса, Анна повернулась к жнецу. Он снисходительно улыбнулся и стянул с длинных тонких пальцев перчатки.

“Юная леди”.

Анна знала, что это произнес жнец, но его тонкие губы не шевелились. Он просто смотрел на нее, ласково, как на бешеное животное, которое приходится усыпить, чтобы не допустить распространения заразы. От этого взгляда хотелось бежать, хотелось прильнуть к его бледной узкой ладони и молить о прощении и помощи. Анна видела в жнеце сверхъестественную мощь, способную убедить ее сделать что угодно и когда угодно, даже не задавая вопросов.

Он казался тонким хрупким мужчиной неопределенного возраста, но являлся чудовищной силой, удерживающей баланс всего мироздания. Анна знала, что стоит ей задать вопрос и прикрыть веки, как в ее голове всплывет вся необходимая информация об этом существе. Подаренный ей талант мог спасти жизнь тому парню. Но Анна не хотела знать. Есть вещи, в которые лучше не вникать. Иногда необходимо просто принять их, как есть. Смерть, по ее мнению, относилась именно к этой категории.

“Милое дитя. Рад, что тебе хватило мудрости”.

Жнец посмотрел на парня. Анна оглянулась. Незнакомец не сводил глаз с воды, пока внезапно его черты не разгладились. На его лице застыло умиротворенное выражение, будто он принял самое верное и самое сложное решение в своей жизни. Так может выглядеть лишь уверенный человек, знающий, что ждет его в будущем, и ни капли не сомневающийся в настоящем. Анна никогда не видела

людей такими спокойными, никогда за все девятнадцать лет своей жизни.

“Мне жаль, дитя. Его не спасти”.

- Но почему? - выдохнула Анна.

Ей было страшно говорить со жнецом, но молча стоять тоже как-то невежливо. Тем более, собиратель душ вел себя на редкость галантно, не махал косой и не скрежетал зубами, предвещая смертным вечные муки в геенне огненной за грехи.

“Он смотрит на них, - пояснил тот, кто служил Смерти, - а они никогда не отпускают вас, живых”.

Анна усмехнулась на этой фразе. Она-то точно не относилась к живым. Но о чем говорил жнец? Кто - они?

“Вглядись в воды. Видишь отблески? Часть из них - безобидные отсветы города. Но другая живет и рождена в воде, у самого дна, и никогда не знала света солнца”.

- Не понимаю, - сказала Анна. - Как свет может не знать света?

“Такая у них природа. Дети реки ни знают ни радости, ни надежды, ни красоты. Многие сравнивают блуждающие огоньки с душами утопленников, но это ложь. Я лично забираю каждого, кто находит свой конец в этой реке”.

Жнец покачал головой. Анна посмотрела на воду. В ней и правда светились странные точки, будто светлячки на рыбалке. Они то дергались вверх-вниз, то замирали на поверхности. Огоньки не получалось толком разглядеть из-за беспокойного плеска реки. Их круглые тельца мелькали в воде, похожие на брюшки рыбок.

- Блуждающие огни заводят людей не туда, - поделилась знаниями Анна.

“Нет”.

Жнец тонко улыбнулся, будто Анна рассказала дурную шутку. Смеяться над такой было бы неуместно, но поощрить собеседника хотелось.

Анна чуть не хлопнула себя по лбу от досады. У нее в голове – сонм знаний потустороннего мира и не только, а она стоит тут и размышляет. Анна зажмурилась, умоляя таинственные силы как можно скорее подсказать ей решение.

“Дитя, тебе его не спасти. Просто наблюдай”.

Совет жнеца был венцом равнодушия. Такой и должна являться к человеку Смерть, но Анна-то была человеком. Обычной девушкой. Правда, чуть-чуть призрачной и с ужасным даром занудного всезнания.

Анна наконец смогла сосредоточиться. В голове всплыл образ: по дну перекачивается хтоническая сущность. Она древняя и уже давно должна была рассыпаться в прах, но не сдается. Течение отрывает от нее клочки, которые тут же вплетает в водоросли, подносит к косякам рыб. Эти кусочки оседают вниз, напитываясь жизнью. Им грустно и темно, а вокруг лишь тонны водной мути. Они злятся. Рыбы глупые и скучные, а водоросли вообще ничего не могут. Они загораются от злости. Им нужно есть. Огоньки видят, что тьма расширяется, и следуют за ней. Они чувствуют, что за пределами их мира есть что-то еще. Кто-то, кто подарит им пищу. Отчаяние.

Анна видит парня. Не человек. В его сердце вспыхивает что-то, очень сильное, чего она еще никогда не чувствовала. Парень вскакивает, забывая о совещании, о подчиненных, что докладывают ему о положении дел в клане. Он принохивается. В воздухе разливается тревога. С его сердцем что-то не так. Она в опасности. Он несется к выходу, уже зная, что не успеет, не сможет найти ее в огромном городе. Ее сердце, как и его, перестает биться. Смерть пришла, он это чувствует, но заберет не его. Хочется выть. Он заходит в свой кабинет, хмурится, закатывает рукав – по руке вьется рисунок. Морошка, листья клена, тонкие ветви березы. Рисунок тускнеет. Все умолкают, не зная, как посочувствовать. Он даже не успел ее увидеть, прежде чем потерять. Отчаяние.

Огоньки чувствуют в нем своего. Его заберут. Он будет с ними. Секунду, час – без разницы. Он накормит их. Поймет. Он знает.

Анна судорожно вдохнула холодный воздух. Ее голова горит изнутри, мысли не помещаются, рябят картинками на подкорке. Он уже перепрыгнул через перила и замер на самом краю бетонной плиты. Секунда превращается в вечность. Он оборачивается, будто может ее заметить. Анна и правда здесь, совсем рядом. Он видит лишь пустоту ночи. С грустной улыбкой парень прыгает в воду, до которой ему остается едва ли метр.

“Ты его не спасешь”.

Злость раздирает ее горло. Крики бесполезны, но Анна надрывается, беспомощно орет в пустоту. Ее не слышит никто, кроме энергетических существ, тех, кто одной ногой уже ступил в мир духов. Анна не может даже прикоснуться к нему.

Время будто замирает.

“Знаешь, а ведь вас обоих нет в списке”.

Жнец заглядывает в блокнот, шелестит исписанными мелким убористым почерком страницами. Он задумчив.

Анна смотрит на парня, не отрываясь. Он завис в пустоте. Один его ботинок почти касается воды. Все застыло, дожидаясь вердикта жнеца.

“Он не утонет, – успокаивает жнец, – там по колено. Но огоньки его уведут”.

Твари сейчас хорошо видны в толще воды. Они не могут сбежать от пронзительного взгляда Анны. Ее голова кипит. Мысли бурлят шумным потоком, к горлу подкатывает тошнота. Анна не сдаётся. Ей кажется, что где-то на подкорке прячется нужная вещь. Слова, которые спасут жизнь.

“Ты выглядишь... дурно, дитя. Кажется, кто-то вмешался в наши, гм, внутренние дела”.

Анна стискивает зубы. Смерть медлит, дарит ей драгоценное время, чтобы все можно было исправить. Жнец улыбается. Его взгляд – взгляд учителя, видящего старательного бесталанного ребенка. В его пустых глазах таится вера, что Анна

способна справиться.

Она не хочет его разочаровывать. Слова отпечатываются на веках пылающей строкой. Анна выдыхает их, не в силах больше терпеть. Жнец удовлетворенно кивает.

“Именно. Ты справилась, дитя”.

Огоньков больше нет. В воде остались лишь клочки неведомого существа, которым больше не удастся ожить. Анна подходит к незнакомцу, пошатываясь, и кончиками пальцев берет капюшон. Ее рука снова плотная. Вещи – не люди, с ними призраки могут взаимодействовать. Анна цепляет капюшон за завиток перил, поправляет ворот толстовки, чтобы он не врезался в шею парня.

Смерть смеется.

“Зачем? Там правда по колено. Господин Ярослав вряд ли сляжет от простуды. У оборотней отменное здоровье”.

Анна кивает. Капюшон остается на крючке. Так незнакомцу будет проще выбраться.

“Дитя, у меня для тебя плохие новости”.

Собиратель душ разводит руками. Перед Анной появляется страничка из блокнота, где карандашиком написано ее имя и фамилия. И две даты: рождения и смерти. Умереть Анна должна буквально через пару недель.

“Мой тебе совет, храбрая юная душа, найди тело. Такие, как ты, долго не задерживаются. Я могу подождать, но через пару недель исчезнет и твоя энергетическая оболочка. Тебя не станет. Совсем. Нам бы этого не хотелось, правда?”

Жнец смотрит на нее. Он сейчас похож на гробовщика. Такой же тихий, тактичный, сочувствующий. Все его естество кричит: “Это моя работа, ее нужно сделать. Ничего личного”. Анна кивает. Вообще-то, собиратель душ довольно мил. Даже его жутковатая худоба не пугает ее. Жнец помог ей спасти того

нелюдя, так что за ней должок. Анна улыбается. Смерть стучит пальцем по другому имени, тоже записанному карандашом. Угрожающая пометочка, которая предсказывает окончание чьей-то жизни. Анна читает.

Ярослав Громов. Дата. Двадцать семь лет. Смерть может забрать его через три недели, всего через несколько дней после Анны.

“Видишь? Долго он тоже не протянет”.

– А я-то тут при чем? – хмурится Анна.

“Сердце. Верни ему сердце”.

Жнец склоняет голову набок. Анна готова поклясться, что он у нее в голове, перебирает каждую извилинку, ищет, куда помещается ее дар. Кажется, собиратель душ удивлен.

“Как здесь помещается столь много, а остается столь мало?”

Жнец смеется. Анна хочет ответить, но он пропадет. За ее спиной слышен плеск, стон, ругань. Когда она оборачивается, незнакомец уже перемахивает через перила. Он замирает на дорожке. Анна понимает, что зря назвала его парнем. Ярослав на голову выше ее, если не больше, а разворот плеч внушает уважение. В темноте не разглядеть его черт. Все закончилось. Все хорошо.

Мужчина втянул воздух, настороженно оглянулся и потер подбородок. Ничего. На улице пусто, мало кто гуляет ночью вдоль реки. А если и гуляет, то выбирает места, где побольше фонарей и поближе к дороге.

Ярослав уходит. Анна остается одна у темной густой воды, похожей на гуашь.

Волны плещутся о бетон. Анна не знает, что пытается сказать ей река, и не хочет слушать. Она идет прочь. У нее сегодня еще остались дела: надо узнать, как вернуть себе жизнь. Когда жнец обещает зайти в гости через недельку-другую, невольно возникает желание подготовиться к этому получше. И Анна идет в единственное место, где можно было бы найти подсказки – к Арсению. Что за ритуал он провел? Если душа вышла из тела, сможет ли она вернуться,

допустим, не в свое? Анна могла бы задать эти вопросы штуке в своей голове, но одна мысль об этом причиняет боль. Очевидно, ничего в этой жизни не достается просто так.

Глава 3. Книга Теней.

Город сплетал судьбы людей. Ему нравилось превращать ровные линии жизни в причудливую паутину связей. Дружба, любовь, вражда – город не знал, к чему приведет его игра. Он, будто несмышленный котенок, запутывал клубок все туже.

Анна бежала к Цветочной улице, надеясь успеть до рассвета отыскать все необходимое. Ее терзали сомнения. Возможно, полицейские уже обыскивают дом, увозят ценные улики, тела... Если это так, Анна останется ни с чем.

Тело. Как можно найти его? Анну корбило от одной мысли о том, что придется сделать кого-то одержимым, чтобы выжить самой. Судьба жестока к ней, но это вовсе не повод делать подобное с другим человеком. Анна заглядывала в лица прохожих, надеясь найти хоть какую-то подсказку. Может, ей хватит и одной тонкой ниточки, как Диане.

Хотелось верить, что ее проблема разрешится как-нибудь сама. Например, приедет полиция, соберет ее, сошьет в морге патологоанатом и – бац! – Анна уже жива. Конечно, вся серая, грязная, похожая на монстра Франкенштейна, но сама своя.

То были наивные надежды юной первокурсницы, не способной трезво оценить обстановку. Анне не хватало опыта в мистических делах, а загруженный под завязку знаниями мозг тут же убирал большую часть новой информации в дальний ящик, чтобы всё не смешалось. Сверхъестественное населяло город, точнее, определенные его части. Их отличали от основных людских районов всполохи магии и едва заметные символы на столбах. Прямо среди объявлений красовались небольшие надписи, вроде “ВЗ” или “ОК”. Анна давно их видела, но ей и в голову не приходило, что это может что-то значить. На Цветочной она обнаружила бордовые буквы ВЕД. Видимо, так нелюди отмечали свои ареалы обитания.

Домик с номером «33» выглядел так же, как его запомнила Анна. Приоткрытая дверь, темные окна, занавешенные шторами, россыпь цветов в саду. И пахло на улице приторно, тяжело, гнилостно, совсем как в тот раз. Анна перешла по перекинутым мосткам к дому, с тревогой осмотрелась и нырнула в темное нутро колдовского жилища. Щелкнув выключателем, она зажгла гирлянду лампочек на потолке.

В доме явно кто-то побывал после нее, вероятно, та самая старушка, которой Арсений поставлял пальцы и... другое. Анне даже думать об этом не хотелось. Она зашла в главную комнату, где проходил ритуал. Удивительно, но сюда Магда не смогла заглянуть. Анна догадалась, что руны на двери и огромные булавки защитили имущество Арсения от непрошенных гостей. К своим сокровищам колдун относился более чем серьезно. Комната осталась нетронутой. Анна передернулась, заметив на полу тряпку с ржавыми пятнами и ленточку, которая успешно защищала Арсения от щупалец дыма. На столе покоилась чаша, уже потерявшая весь свой блеск и лоск. Теперь она больше напоминала нарытую в огороде креманку, которую бабуля решила использовать как кормушку, да так и забыла про нее на пару лет.

Анна улыбнулась и погладила бочок пустой чаши. Пожалуй, с ней было связано единственное приятное воспоминание за тот день. Он истёк не так давно, а у Анны уже накопилась куча историй, которых не стоит рассказывать простым людям. Разве что ночью, у костра, хорошенько подвыпив для храбрости. Анна вздохнула. По ее призрачному лицу прокатилась легкая рябь, когда девушка заметила на столе блокнот. Первой ее реакцией стало желание швырнуть книжонку куда подальше. Однако, в таком положении она не могла разбрасываться информацией. Анна сунула блокнот к себе под мышку, хмыкнула, представив, как выглядит со стороны парящая в воздухе книженция, и отправилась осматривать дом.

Скелеты и кристаллы ей негодились. На полках стояли какие-то “Некрономиконы” и книги с сатанинскими символами, хотя ежу было понятно, что это всего лишь написанные подростками размышления на тему сверхъестественного. Анна готова была поспорить, что тот самый араб вряд ли вообще публиковался в России, да и церковь не допустила бы подобной ереси в своей вотчине.

Следующей осмотру подверглась кухня. Там стояло сразу две морозилки, в которые Анна даже не рискнула заглянуть, а шкафы ломались от странных

порошков, связок трав и косичек грибов. Само собой, Арсений хранил там лишь поваренную книгу и какие-то записи по зельеварению – как она поняла. Пришлось идти дальше. В спальне Анну ждал неприятный сюрприз.

Это была не мужская комната. Здесь лежали женские вещи вперемешку с толстовками Арсения, а постельное белье радовало глаз нежным цветочным рисунком. Вряд ли колдун сам его выбирал, к его стилю больше подходили мрачные цвета. Анна вообще ни разу не видела Арсения в чем-то светлом. А тут белые маечки, кружевное белье в шкафах. Как же мерзко! Арсений звал ее почти что на свидание, так мило с ней говорил, всячески поощрял неловкий флирт в универе, а сам...

Анна разозлилась. У нее к горлу подкатывала тошнота, хоть у бесплотного духа не могло быть желудка. Поняв, что сил рассматривать свидетельства личной жизни Арсения уже не осталось, Анна вышла из комнаты. В голове шумело.

Куда еще пойти? Что она вообще хочет найти? Анна сползла по стеночке, прижимая к себе блокнот. Она уже успела бегло пролистать его страницы и найти несколько интересных заклинаний, которые могли переселить душу, но не справились бы с восстановлением из ничего. К тому же, Анна рисковала остаться без пальцев после визита Магды. Сглотнув несуществующую слюну, она пару раз ударила головой об стену.

Думай, Аня, думай! Все не может закончиться здесь. Не так. Не сегодня.

В мыслях мелькнула идея позвать жнеца и попросить покончить с этим уже сейчас, но не в ее характере было срезать углы и избегать трудностей.

– Чертов Арсений! – в сердцах выкрикнула Анна. – Что мне теперь делать?!

По полу скользнула тень и нырнула под ковер. Анна нахмурилась, и фигурка снова прошлась по деревянному полу, на этот раз медленнее. Плоской змейкой стрелочка спряталась под ковер. Подсказка была слишком очевидной.

– Да ладно, – прошептала Анна.

Кто знает, откуда взялась эта тень? Может, это одно из заклинаний Арсения, которое сейчас пытается заманить невинную девушку в ловушку.

Словно отвечая на ее мысли, стрелка поползла обратно. Высунулась из-под ковра, вернулась к коленке Анны и нарочито медленно поднялась по ее юбке, чтобы исчезнуть в книге. В блокноте. В той вещи, благодаря которой Арсений и призвал ту непонятную туманную сущность!

Стрелка будто поняла, что Анна разобралась с ее происхождением, и вновь неторопливо отправилась под ковер той же дорожкой. На синей юбке ее черное тело смотрелось довольно эффектно. Такая тень бывает, когда поднесешь руку прямо к фонарику, чтобы изобразить змею, собачку или что-нибудь более сложное. Анна провела ладошкой по пятну, но оно просто забралось на ее кожу, даже не думая исчезать. Похоже тень наплевательски относилась и к тусклому освещению, сохраняя потрясающую плотность и насыщенность. Анна сдалась и откинула угол ковра.

Под ним нашелся люк, к ручке которого и тянулась стрелочка. Пришлось открывать и лезть внутрь. Анна уже представила себе ужасный погреб, где по стеллажам расставлены банки с органами, как в анатомическом театре, а в конце какая-нибудь клетка с изможденной пленницей.

К счастью, это был всего лишь аккуратный подвал. Стены были обиты вагонкой, на них навесили полки с книгами. Посреди подвала стояла большая лампа, света которой вполне хватало, чтобы разогнать темноту. У одной стены нашелся еще один морозильник, больше двух предыдущих, а чуть подалее от лестницы стоял диван с высокой спинкой и телевизор.

Анна, успокоившись, принялась рассматривать помещение, начав с полок. Вот здесь уже были ценные экземпляры колдовских книг. Многие из них писались вручную, а некоторые выглядели настолько древними, что Анна даже побоялась их трогать. Судя по корешкам, они готовы были рассыпаться от малейшего неосторожного движения.

– Ты что здесь забыла? – послышался голос прямо у нее за спиной.

Анна отпрянула, не зная, что и сказать. Рядом с ней стояла девушка. Они были до боли похожи. Почти одинаковые волосы цвета осенней листвы, вздернутый

носик, большие наивные глаза. Разве что у незнакомки локоны опускались почти до пояса, а Анна свои отрезала, чтобы в общаге не мучиться с прическами.

- Ты кто? - спросила Анна.

- Забавно, у меня к тебе тот же вопрос, - улыбнулась девушка. - Что ж, позволь представиться. Меня зовут Мария, для друзей просто Мари. Можно Лиса.

- Я Анна. Прости, если помешала, я...

Мари улыбнулась. Похоже, она прекрасно понимала, зачем сюда пришла Анна. Ее взгляд скользнул по измятой юбке, книге Арсения, судорожно сжатым пальцам. Понятное дело, Анна выглядела то ли как воровка, то ли как жертва обстоятельств.

- Ты от Арсения? - спросила Мари.

- Я... - тяжело вздохнула Анна, - мы немного повздорили с ним.

Язык не поворачивался рассказать девушке обо всем, что случилось, но врать оказалось еще сложнее. Анна застыла на месте, шевеля губами, но не произнося слов. Ей хотелось поделиться хоть с кем-то своей историей, но вряд ли Мари обрадуется. Возможно, Анна сейчас говорит как раз с девушкой Арсения. Понятное дело, ее погонят прочь, даже не выслушав.

И все же она не могла промолчать.

- Он сделал кое-что ужасное. Мне нужно найти способ исправить это.

Мари склонила голову на бок. Волна ее волос скользнула по плечам и повисла шелковым полотном в воздухе. Тугие роскошные локоны поблескивали. Даже в тусклом свете они казались идеальными, вот только...

Анна видела морозилку. Даже сейчас, когда перед ней стояла Мари.

- Погоди, так ты?..

Мари улыбнулась.

– Да. Я первая, кого Арсений решил отдать Забытому.

В подвале резко стало неуютно. Иллюзия обычной комнаты спала, остались только маленькие реальные детали: оккультные книги, два призрака и огромная морозилка, в которой запросто бы поместился человек. Анна сглотнула. У нее в голове не укладывалось, что помимо нее были другие жертвы. Она знала, что все будет не так легко, но чтоб настолько...

Сердце. Она должна вернуть Ярославу сердце. Возможно, Мари и есть та девушка, которую он не успел спасти. Анна улыбнулась. Принимая в расчёт всех новых знакомых с «той» стороны, она сможет сложить пазл.

– Я видела собирателя душ, – радостно сообщила она. – Он сказал, что у меня есть пара недель, чтобы найти тело. Может, ты знаешь, где твое? Я могла бы для начала попробовать вернуть жизнь тебе.

Мари покачала головой, поражаясь наивности последней жертвы.

– Глупая, – сказала она. – Меня не спасти. Я уже давно здесь сижу.

– Сколько? Неделю? Десять дней? Может, я успею что-то придумать. Смотри, тут есть заклинания, нужно лишь найти кого-то. Думаю, в крайнем случае можно подселить и к другой душе, чтобы ты дожила до того момента, как я что-нибудь узнаю.

Воодушевление Анны уже сникло, но сдаваться было уже поздно.

– Я погибла год назад, – улыбнулась Мари. – Тогда Арсений только начал поклоняться Забытому.

Повисла пауза. Видя непонимание в глазах Анны, Мари соизволила объяснить.

– Арсений нашел древние книги где-то в сарае моей прабабки. У нас в роду все рождались ведьмами, так что я не удивлена, что это была Книга Теней. Когда узнала, что мой дурачок ее читает, сожгла. Видимо, магия Забытого пропитала

его заметки и перетекла туда. Он стал одержим. Начал проводить ритуалы, которые восславляют Забытого, а потом древний начал дарить ему что-то. Видимо, он предлагал что-то действительно ценное, раз Арсений докатился до убийства.

- Кажется, это было исполнение желаний.

- Может быть.

- А почему ты... Ну, знаешь, год прошел уже, а ты...

Мари рассмеялась. Ее звонкий голос наполнился весельем несмотря на всю мрачность ситуации.

- Арсений привязал меня к себе и к моему телу, чтобы я не смогла уйти и бросить его в одиночестве. Поверь, я хотела. Подглядывала заклинания, пыталась вернуться. Много воды уже утекло с тех пор, как последний раз я чувствовала надежду.

Мари покачала головой. Анна протянула к ней руку, собираясь погладить, приободрить, но безвольно опустила ее. Она ходила по городу в качестве призрака всего ничего, а рассудок уже потихоньку начал изменять ей. Что уж говорить о бедной Мари, которая сидела в обществе колдуна почти что год. Наверняка она видела все, что происходило наверху. Испытать такое и не рехнуться просто невозможно. Хотя призраков немного спасала пониженная чувствительность и постоянный риск свалиться в полную апатию

- Ты хочешь уйти? - прошептала Анна.

- Конечно, - пожала плечами Мари, - мне больше ничего не осталось. Спасибо, что отправила Арсения на ужин к забытому. Так ему и надо! Хоть кто-то смог за нас отомстить?

- Нас? А много девушек попались на это?

- Все, - вздохнула Мари. - Но по-разному. Некоторым не удалось запустить ритуал, так что они погибли иначе, но не менее ужасно.

От одной мысли о том, сколько эти стены видели боли, Анна поежилась. Дом действительно стал проклятым, и Арсений абсолютно точно заслуживал такой конец.

- Тело? – спросила Мари. – Ты сказала, что хочешь найти тело.

- Да, – поморщилась Анна. – Я понятия не имею, как питаются призраки, а жнец сказал, что так я могу исчезнуть. Он обещал зайти и проверить, как я справилась, пятнадцатого числа. Если к тому моменту не оживу, придется уйти.

- А ты не хочешь? – удивилась Мари.

- Мне всего девятнадцать. Я еще жизни толком не видела, столько всего надо сделать. Не могу вот так просто умереть. Глупость какая-то, так нельзя.

- Тогда у меня для тебя подарок, – рассмеялась Мари.

Она легкой походкой добралась до морозилки и неестественно легко откинула тяжёлую крышку. Анна боялась даже посмотреть в ту сторону. Ее тошнило.

- Так же нельзя, – выдавила она.

- Ну, дорогая, у тебя нет выбора.

Анна кивнула. Мари лучше знать, что делать, она все-таки потомственная ведьма и целый год прожила с колдуном.

В морозилке лежала Мари. Она выглядела очень бледной и замерзшей, но совершенно точно живой. На ней была белая шелковая сорочка, расшитая странными символами. Анна догадалась, что Арсений наложил на возлюбленную какое-то заклинание, чтобы она оставалась прежней. Мерзость.

Анна согнулась, тяжело дыша и отчаянно жалея, что у нее больше нет возможности опустошить желудок. Мари рассмеялась.

- Ну что ты, дорогая, – сказала она. – Это я. Всего лишь я. Только мне уже не удастся вернуться, а вот ты можешь занять мое место. Я не буду злиться,

честно. Ты даже не заметишь, что стала другой.

- Ты же... - прохрипела Анна. - Ты же мертва! И я. Нам обеим пришел конец. Этот урод лишил нас всего!

- Поверь, ты сделала ему куда хуже. Думаю, у него будет время пожалеть о своих ошибках, но у нас его нет. Давай, ты справишься. И прекрати с таким ужасом смотреть на меня. Арсений буквально через пару секунд наложил стазис, так что ты очнешься свеженькая, будто только что потеряла сознание. Не переживай.

Мари по-матерински нежно погладила волосы Анны. Прикосновение было слишком невесомым, чтобы его ощутить, но сама попытка успокоить дорогого стоила.

- Я не могу, - прошептала Анна.

- Знаю, тяжело вот так запросто прижиться в нашем мире. Тебе придется это сделать. Привыкай, детка, мир жесток, но наша сторона в сто раз хуже. Выживает лишь тот, кто готов сожрать любого.

Мари присела на краешек морозильника. Ее пальцы пробежались по гладкой белоснежной коже, поправили подол сорочки. В глазах призрака мелькнула грусть, на мгновение вытеснив огонек безумия. С ее лица спала маска отчужденности, уступив место холодной решимости.

- Хватит рассиживаться, - скомандовала Мари. - Запоминай! Тебя зовут Мария, отчества нет, мама - Василиса. Не волнуйся, родственники у нас все почили уже давно, иначе Арсений тут бы не хозяйничал. Фамилия у тебя короткая, Шайтан. И не вздумай смеяться! Годочков тебе по паспорту будет восемнадцать, у меня где-то поддельный лежал. Давай, Ань, вставай! Не время раскисать. Сейчас мы тебя воскресим.

Глава 4. Ведьмино счастье

Мари действительно загорелась идеей. Она плясала вокруг Анны, забрасывая ее различными фактами своей биографии и подготавливая место к проведению ритуала. К счастью, Мари долгое время жила затворницей и в ковен решила не вступать, так что волноваться о возможных проколах не приходилось. Друзей ведьма не заводила, предпочитая все дни проводить в обществе возлюбленного.

– Если встретишь кого-то из старых знакомых, – объясняла она, – скажи, что Арсений заставлял пить настойку номер пять для опытов с магией. От нее память отшибает только так, ни одна ведьма не уличит тебя во лжи. И не вздумай возвращаться!

– Уж теперь-то я на Цветочную точно ни ногой, – вздохнула Анна.

– Я не об этом, дурашка, – щелкнула ее по лбу Мари. Жест вышел чисто символическим, ведь прозрачные пальцы не могли причинить боли. Мари продолжала хлопотать: – Если придешь домой, могут узнать. Или твои родственники заподозрят неладное. Будет плохо, поверь. Никогда не мешай наш мир с их, это всегда плохо кончается. Арсений – яркий тому пример.

Анна кивнула. Они вместе вытащили Мари из морозилки и уложили на пол, подстелив теплый плед. В подвале стало гораздо светлее: ведьма потребовала разложить свечи и притащить несколько кристаллов. Как она объяснила, ритуал должен пройти идеально, иначе Анне потом придется доделывать, а без чуткого руководства опытной наставницы это ничем хорошим не кончится.

– А что будешь делать ты? После ритуала? – спросила Анна.

– Ничего. Вообще ничего. Меня не будет.

– Если хочешь, я могу тебя призвать. Есть же спиритические доски и все такое.

– Ты не понимаешь, – улыбнулась Мари. – Арсений приковал меня к этому телу навсегда. Даже жнец не смог меня забрать, хоть я просила. Это заклятия Забытого бога, он силен. Чудовищно. Он не должен существовать. Не в современном мире. Но Арсений привлек его из глубин мироздания своими ритуалами. Теперь божество жаждет крови, власти, раздора. Оно готово идти против самой смерти.

– Забытый так силен? – нахмурилась Анна.

Мари рассмеялась. Она ловко зажгла еще парочку чайных свечек и поставила их на пол. В комнате теперь пахло воском и ванилью. Стало теплее. Анна нервничала, что стазис не удержит тело в нужном для ритуала состоянии. Гнить заживо не хотелось.

– Забытый слаб, но умен. Ловко манипулирует самыми ничтожными из нас. Ему никто не поклоняется, потому что в свое время он извел всех своих почитателей, банально сожрал.

– Звучит отвратительно, – поморщилась Анна.

Ее настроение портилось с каждой минутой, проведенной в доме на Цветочной. От сладости этой улице першило в горле, а в каждом пятнышке на полу чудилась кровь, грязь или какая-нибудь демоническая пакость. Мари, казалось, ни капли не смущалась. Она спокойно перечисляла, какие вещи нужно взять с собой, как поступить, выходя отсюда, где жить первое время.

– Что с тобой будет потом? – прямо спросила Анна, когда все было готово.

Свечи испуганно затрещали, а по комнате поползли тени.

– Я уйду, – сказала Мари.

– Куда? Почему ты не расскажешь все?

– Ты слишком добрая, – покачала головой Мари, – а мне так не хочется тебя смущать.

Анна нахмурилась. Ей очень не хотелось в который раз за день пользоваться своим талантом, но выбора не было. Ведьма упорно избегала объяснений, ловко сбивая ее с мысли и уводя диалог куда-то в сторону. Анна не простила бы себе, если бы с Мари случилось что-то ужасное по её вине. Она прикрыла веки, задавая вопрос.

Виски будто сжало тисками, а перед ней появилось нечто. Анна сделала испуганный вдох, желая очнуться от кошмара, но горло обожгло. То был не воздух, иное. Она была не на Цветочной и даже не в городе. Густое липкое нечто окружало ее со всех сторон. Анна чувствовала, что вот-вот случится непоправимое, но не могла освободиться, не могла открыть глаза и вернуться в комнату.

Все закончилось также резко, как началось. Над ней нависала злая Мари.

- Никогда, слышишь? Никогда не пытайся узнать о забытом! - заорала она.

Мари трясло от испуга, как и Анну. Девушки сидели на полу, пытались отдышаться.

- Что это вообще было? - спросила Анна, хватая ртом воздух.

- Понятия не имею, - буркнула Мари. - О чем ты вообще думала?

- О том, что с тобой случится, когда я займу твое место.

Ведьма побледнела, сникнув до полной прозрачности, и сглотнула. Взъерошив волосы, она призналась:

- Я последую за Арсением.

То есть к Забытому. Не сложно было догадаться, что ждет Мари по ту сторону.

- Я не могу, - сказала Анна. - Мы не будем проводить ритуал. Давай другой способ, надо убрать тебя в морозилку.

- Не поможет. Стазис спадет через пару дней, и мое тело превратится в то, чем уже никто не сможет воспользоваться. Даже твари вроде Магды.

- Целых несколько дней! Мы успеем попробовать хоть что-то, Мари. Может, из морга тоже подойдет.

- Не глупи, - с грустью ответила ведьма. - Это не вариант. Либо я сейчас помогу тебе, отдав себя, либо останусь в этом проклятом доме в компании гнили и всякой ведьмовской шушеры.

- Ты и сама ведьма, - фыркнула Анна.

- Да, но я еще и человек. А они - нет.

Призрачные девушки немного помолчали. Тени кружили по комнате, выбираясь из дневника Арсения, проходили по самой кромке пледа, протягивали когтистые лапы к лежащей на покрывале Мари. Девушки дрожали в углу. У них не было надежды на счастливый конец. Не у обеих, только у одной.

- Иди, - кивнула Мари. - Я уже все решила. Год в этой халупе - шутка ли? Еще месяц и я взвою. А если ты воскреснешь, ты уже меня не увидишь.

- Почему?

- Потеряешь связь с этим кусочком мира, энергетическим. Нас видят только те, кто питается так или живет на этой части. А ты станешь человеком или ведьмой. Если постарайся, конечно, научишься и с призраками болтать.

Мари вытянула ноги, позволяя теням проползти прямо по ее полупрозрачной стопе. Она будто свыклась с мыслью о том, что все закончилось. Ей довелось увидеть многое, что ни один человек не захотел бы испытать на собственном опыте. Анна видела в каждом жесте призрачной девушки усталость и грусть.

- Если я смогу, я вытащу тебя оттуда, - пообещала Анна.

- Не выйдет, но спасибо, - пессимистично ответила Мари. - Давай, поднимайся. Ритуал сам себя не проведет.

На призрачном лице мелькнула добродушная улыбка. Анна задумалась, сколько на самом деле лет исполнилось ведьме до того, как она стала жертвой любимого. Если Мари настолько ему доверяла, что допустила даже свою смерть, можно представить, что она испытывала сейчас. Ей целый год пришлось смотреть на моральное разложение Арсения, пока его в итоге не забрал

Забывший. И сейчас она отправится к нему.

Анна послушно встала на указанное место в ногах Мари, прошептала слова из книги Теней и закрыла глаза.

– Удачи, – прошелестела Мари.

Свет погас. В комнате стало темно, как будто бы Анна находилась под землей. Она дернулась, пытаясь шагнуть прочь из ритуального круга, но ноги не слушались. И тогда Анна решила открыть глаза.

Веки не поддавались, руки не слушались, а все тело кололо иголками, как после долгого пребывания в неудобной позе. Когда Анна наконец сумела сесть, перед глазами все плыло и мелькали цветные круги. Прямо в круге стоял жнец, черной скалой нависая над ней. Он деловито проверил часы и снял перчатки.

“Что ж, вы быстро справились, юная леди. Рад, что порядок восстановлен, хоть и не полностью”.

Он вздохнул, пригладил волосы и осмотрел комнату.

– А нельзя как-нибудь помочь Мари? – с трудом прокаркала Анна.

Она не видела ведьму, из чего напрашивался вывод, что Забывший уже забрал ее. Жнец тонко улыбнулся, его глаза затуманились. Он достал уже знакомую Анне записную книжку и зашелестел страницами. Жнец долго вглядывался в свой список, и Анна не мешала ему, тихонько разминая руки. Мари права. Она даже не заметила бы, что что-то подменили. Разве что волосы стали длиннее, да талия значительно тоньше. Запястья казались ужасно хрупкими. Но разве это проблема? Внешность сейчас беспокоила ее в последнюю очередь. У нее есть другая задача – спасение некто Ярослава.

“Знаешь, дитя, Мария не отправится к Забытому”.

Она выдохнула. В ней словно разжалась туго заведенная пружина, способная свести с ума кого угодно. С таким напряжением трудно справляться, хоть оно часто сдвигается на периферию сознания. Анна физически чувствовала, как ее

плечи расслабляются, а голова становится легкой-легкой, как облачко. Думать о том, что ты заняла чужое место и лишила человека надежды на спасение, было тяжело. Жнец подарил ей спокойную совесть.

- Мари уйдет с вами? – спросила она.

“Мария говорит, чтобы ты прекратила так ее называть. Забудь о ней. Теперь ты – Мария Шайтан, и никакой другой не было и нет”.

Жнец склонился, будто в поклоне. Анна догадалась, что сейчас ведьма что-то шепчет ему на ухо. Напрасные усилия, едва ли живой человек сможет разобрать голос мертвого, но Мари виднее. Жнец кивал, показывая, что все учтет. Наконец он снова вытянулся в полный рост, почти касаясь макушкой потолка.

“Тебе нужно закрыть глаза, Анна. И не открывать, пока я не разрешу”.

Она послушно прикрыла веки и для удобства улеглась на плед. Тело все еще с трудом откликалось на ее желания, но все же какое-то подобие контроля появилось. Анна чувствовала, как по коже скатываются бисеринки пота. Пахло от нее как-то странно: уборкой, слякотью и долгой пробежкой. Ей еще предстояло привести себя в порядок.

Анна ощутила, как что-то касается ее ключицы. От неожиданности ей показалось, что это острый предмет вроде ножа, однако его кончик скользнул по коже, будто погладил, и оставил после себя только холодный мокрый след. Кто-то рисовал на ней узор. Анна не сопротивлялась. Если жнец хочет что-то сделать, она не будет ему мешать. В конце концов, сила Смерти была за гранью ее понимания, и едва ли простой человек сможет справиться с ней. Даже если Анна захочет, она ему не помешает.

“Все, – объявил жнец. – Теперь за тобой должок».

Анна приоткрыла веки. Подвал оставался прежним, разве что свечи немного прогорели и утопали в растаявшем воске. Жнец стоял над ней с милой улыбкой воспитателя, которому уже до жути надоели эти несмысленные детки, но он очень не хочет их расстраивать и терпеливо слушает бессвязный лепет.

“Ведьмино счастье, – пояснил собиратель душ. – Маленький оберег, который может помочь в трудную минуту. Создать его может лишь потомственная ведьма, так что скопировать не получится. Мария желает тебе счастья. Используй ее дары с умом и не унывай”.

Анна погладила набухающее пятно под ключицей. Рассматривать его без зеркала не хотелось: за год шея затекла, и разминать ее придется еще долго. Пальцы нащупали парочку завитков и что-то похожее на каплю в центре. Интересно, что это за оберег и как работает?

Жнец, будто опомнившись, всплеснул руками и постучал длинным тонким пальцем по набалдашнику своей трости. Анна даже не заметила, когда она у него появилась.

“Мари просит не пользоваться тем, что ты получила от Забытого. И забудь свое имя. Оно теперь будет только вредить тебе”.

Прислужник Смерти вежливо поклонился и растворился. Наблюдать за его исчезновением было забавно. Он расплывался по воздуху черной кляксой, похожий на разводы краски, появившиеся от кисточки в стакане с водой.

Анна улыбнулась. Этот сложный день наконец-то закончится. Она начала выполнять все инструкции ведьмы, старательно следуя намеченному плану. Забрала несколько ценных компонентов с кухни, открыла дверцы морозилок и холодильника. Упаковала нужные вещи, заодно помылась и переделалась в зеленую просторную накидку с зеленым капюшоном и брюки цвета корицы. Мари настойчиво просила одеться именно так, обещая, что окантовка на одежде избавит Анну от многих неприятностей. В ванной удалось рассмотреть «ведьмино счастье» получше. На коже появился схематичный бутон неведомого цветка. Оберег во многом походил на татуировку, разве что линии казались слишком выпуклыми. Анна погладила его еще раз, думая о Мари. Наверное, ведьма сейчас где-то в лучшем мире. Забытый ее не получит. А жнец оказался довольно приятным и вежливым, так что Анна с легкостью доверила бы ему свою подругу. У Смерти были свои правила, и она их не нарушала. А Забытый был зыбким и непонятным. От древнего бога так и веяло страхом и болью, которые он сеял вокруг.

Анна нашла в подвале целый ряд канистр с бензином. Большую часть она безжалостно потратила, заливая морозилки и книжный шкафы. Когда бензин закончился, Анна долила на пол остатки крепкого алкоголя и стянула с себя перчатки. Они нашли свое пристанище на мокром ковре, обложенные свечками.

Воск скатывался крупными каплями на пол. Пламя свечей тянулось к потолку и нещадно чадило. Анна хищно улыбнулась.

- Мари, - сказала она. - Меня зовут Мари. Мария. Мари.

Повторяя это, точно мантру, она вышла из дома и обулась на порошках. В кустах стоял дорожный чемодан на колесиках.

- Мари, - повторила она.

Ей очень хотелось оглянуться, подождать эти полчаса, пока одна из свечек не упадет в бензин, не расплавится так, что будет касаться смоченного горючим ковра. У нее нет было времени. Если кто-то узнает, что Мари вышла из дома, пойдут пересуды, начнутся расспросы. Лишнее волнение, подозрения. Ее здесь будто и не было. Мари переехала с Цветочной примерно год назад, обосновавшись в другом районе, где жили в основном вампиры, оборотни и другие нелюди. Но не ведьмы.

- Мари, - снова произнесла она, шагая по улице. - Мари. Мари-Мари.

Мари. Мари. Мари-мари-мари.

Она повторяла это, вслух и про себя, пока слово не превратилось в ничто. Имя потеряло смысл и тут же приобрело новый. С каждым новым повторением оно менялось, звучало иначе, хоть звуки оставались теми же.

Она прошла через всю Цветочную, надвинув на голову капюшон. Ее кудри цвета осени трепал ветер. Грудь тяжело вздымалась от впечатлений и волнения. Она поднялась по крутой лестнице и вышла на проспект. В прошлый раз ей пришлось проделать такой же путь, чтобы выбраться к людям. Теперь в ее душе расцветала тревога с двойной силой: получится ли?

Прохожие провожали ее заинтересованными взглядами, разглядывая длинную накидку, чемодан, дребезжащий по плиткам. Она старалась не обращать внимания и просто шла вперед, туда, куда ей велели прийти.

Весь путь занял каких-то тридцать минут, но город здесь казался другим. Цветочная пахла сладко, дурманяще. Улица Красная ощущалась как дым от костра, как свежесть прибоя, как множество ярких запахов, сулящих радость и приключения.

Она подошла к нужному дому, обогнув небольшой парк, и поднялась на седьмой этаж. Как ей и обещали, ключи идеально подошли. Дверь открылась, впуская новую хозяйку в просторную чистую квартиру.

Она скинула ботинки, с наслаждением потянулась и пошла в ванную. От нее все еще пахло свечами, бензином и сладостью цветов. Одежду пришлось закинуть в стирку, чтобы избавиться от этой вони.

В ванной нашлась целая коллекция собственноручно сделанных солей и масел. Пахло это умопомрачительно, разве что пачули и иланг-иланг показались слегка неподходящими ситуации. Она отложила их на дальнюю полку, решив, что еще может захотеть воспользоваться ароматами, но пока что ее тошнило. От одного воспоминания от Цветочной ее вывернуло.

Даже тошнота сейчас радовала. Как приятно чувствовать себя такой живой! Она расхохоталась, как безумная, и пошла разбирать чемодан. Компоненты отправились в дальний ящик, вещи – в спальню. Пока что у нее не было сил разбирать все это безобразие, поэтому она выудила пижамку с подходящим удобным бельём и отправилась в ванну. Уже устроившись в обжигающе горячей воде и растирая затекшие мышцы, новая хозяйка квартиры посмотрела на коврик.

Кто-то очень заботливо положил его рядом с ванной, чтобы никто не поскользнулся на плитке. Коврик радовал нежно-розовой расцветкой с крупными буквами. Вещь явно делали на заказ по запросу владелицы.

– Мари, – прочитала она. – Пожалуй, надо поменять. Именная кружка – это еще ладно, а вот коврик... Что за самолюбование?

Мари фыркнула и улыбнулась. Ей было тепло и уютно, и как бы она не ворчала, коврик ей нравился. А вот имя звучало претенциозно. Мари – как-то слишком ласково и будто на иностранный лад.

– Мария, – решила она. – Теперь будем представляться так. Или Маша, в крайнем случае.

Мари улыбнулась. Она чувствовала себя так, будто сегодня был ее день рождения.

Глава 5. И крикнул ворон

На Красной улице все шло своим чередом. В уютных квартирках дремали вампиры, маленькие волчата и лисята играли в парке, феи воевали с белками за территорию. Красная стала мирным уголком города для многих рас, в том числе и для людей. Здесь нашла приют и заблудшая душа с волосами цвета осени и загадочными зелеными глазами.

Мария готовила кофе, позевывая. Тихая река ее жизни наконец-то вошла в берега и не собиралась снова выкидывать что-то эдакое. Прошла уже неделя с тех пор, как Мария зашла в эту квартиру, и на кухне чувствовалось присутствие хозяйки. Появились полотенчики милых расцветок, у окна стоял стаканчик с букетиком запоздалых бархатцев. В холодильнике можно было найти немного шарлотки и фруктов.

Осень выдалась теплой. Листья с деревьев до сих пор не облетели, и поздние цветы на клумбах радовали прохожих своими бутонами. Мария не упускала шанса прогуляться по неизведанным уголкам города, изучая каждый кусочек своего нового района. Ее больше не привлекал центр или Цветочная. Мария знала, что ей ничего не грозит, но возвращать не хотела.

Казалось, все закончилось. Ей дали второй билет в жизнь, осталось выполнить условия. Отказываться от прошлого было нелегко, но Мария справилась. Мир, в котором она жила, стал слишком хрупким. Только коснись его, как он рассыплется карточным домиком, снося на своем пути чужие судьбы. Мария не

трогала то, что так легко ломалось.

Человек, которому за последний месяц пришлось трижды пообщаться со Смертью, не может быть легкомысленным. Мария помнила, что встретила с ней заочно и потом дважды успела поболтать с собирателем душ. И она не горела желанием знакомиться поближе.

Мария добавила в турку щепотку кардамона, лепесток звезды-бадьяна, приправила это перцем на кончике ножа и тщательно перемешала. Кофе пах изумительно. Стоило зайти в кухню, как на языке появлялся привкус пряностей. С таким кофе хотелось нежиться на солнышке, читая книгу, или молчать о важном с близким другом. Ради таких завтраков стоило жить. Мария собрала себе сытный бутерброд и выключила кофе, у которого уже появились первые пузырьки пенки. Лихо стукнув туркой по столешнице, чтобы осадить шапку, она налила напиток в именную кружку.

Мари.

Это имя вызывало у нее странную дрожь. Смутные чувства просыпались в ее душе, но тут же уползали обратно. Как же все-таки хорошо, что человек не в силах познать всего. Разум Марии успешно подавлял любые воспоминания о произошедшем, заглаживая события до неузнаваемости. Мир благодаря этому казался безгранично простым. Мария знала, что обманывает себя, но остановиться было смерти подобно. И что толку думать о прошлом? Случилось и случилось.

Усевшись за стол, она погладила плетеную подставку под горячее. Такие еще были у ее бабушки, из деревянных деталек. Видимо, Мари подставки достались в наследство. Мари. Она и есть Мари.

Память тела не принимала этот бред. Как бы Мария не старалась, движения все равно выходили нарочито плавными, изящными. Когда она перебирала травы, пальцы будто опережали ее, ловко сортируя веточки. Когда поднималась на этаж, ноги несли ее в нужную сторону до того, как она вспоминала номер квартиры. Это сводило с ума.

Мари.

Она повторяла имя, пока все смыслы в нем не стерлись, но даже тогда не получалось соврать себе. Сознание пребывало в зыбком состоянии полудремы, когда уже нет сил что-то сделать, и мир воспринимается криво и размыто. И ты все осознаешь, но не можешь отреагировать.

Мари.

От этого слова хотелось выть. Каждый вечер она гладила приютившийся под ключицей оберег. Он напоминал ей о ком-то родном и знакомом. Она забывала, откуда он и зачем, путалась в своих догадках и в итоге сдавалась.

Мир и дальше катился по рельсам. Мария не вмешивалась, не задавала вопросов, решив, что так будет лучше. Она выбрала путь забвения.

Мария сделала глоточек кофе и блаженно сощурилась. Горло обожгла мягкая горечь с едва уловимой кислинкой, пряная часть обволакивала нутро, заставляя сердце биться чаще. Подумав, Мария приправила кофе корицей. Ее никогда много не бывает.

Время завтрака уже подходило к концу. Мария сознательно тянула с этим, отламывая от бутерброда по кусочку и грея в руке остывшую кружку. День начался. Она понятия не имела, что с ним делать. За неделю Мария успела прочитать все книги из домашней библиотеки, перепробовать все соли для ванн, даже тяжелый иланг-иланг, обойти почти каждый закуток Красной и хотя бы по одному разу посетить все магазины в районе. Денег у нее оставалось еще прилично, но тратить чужие – свои – запасы она боялась. В квартиру было куплено только самое необходимое.

Хлопоты закончились, как и развлечения. Мария не знала, чем заняться сегодня. Ей претила сама мысль о том, чтобы выбраться с Красной и уползти куда-нибудь в другую часть города. За каждым углом ей чудились лестницы, круто уходящие вниз. Мария не боялась. Она стала достаточно сильной, чтобы справиться с этим. Ее напрягала сама перспектива.

Мирные жители Красной выглядели милыми и безобидными, но за ее пределами можно было обнаружить других существ. Как это описывала ведьма в своем дневнике, были нелюди от человека и нелюди от древности. Первые были потомками смертных и легко уживались с обычными жителями города. Вторые

гордились своей инаковостью и не признавали никакую мораль. Они чтили чистоту крови и милые средневековые традиции вроде жертвоприношений в Самайн. Надо ли говорить, что о них Мария и знать не хотела. Они называли себя истинными или первородными, но по сути были просто рухлядью минувших веков, каким-то образом добравшейся до современности. Говорят, их стремились истребить во все времена. Видимо, плохо старались, раз в городе жила Магда и другие.

Может, эти создания и не были чудовищами в прямом смысле этого слова, но достаточно близко подходили к черте, отделяющей гуманное и разумное от дьявольского и зверского.

– Сегодня пойдем к набережной, – решила Мария.

У нее, как и у многих одиноких людей, выработалась привычка говорить самой с собой. Мария причисляла это к видам заботы о себе.

– Нужно будет взять накидку, – решила она.

В голову настойчиво лезли мысли о том самом Ярославле. Как ей помочь нелюдю? Больше ее беспокоило то, что скрывалось под речной водой. Нечто, породившее блуждающие огоньки, вполне могло дотянуться и до ведьмы. Кто знает, чем оно питалось.

Мария в который раз подавила нарастающее беспокойство и оделась.

– Не переживай, – сказала она отражению в зеркале. – Сейчас день, солнце светит, на улице полно людей. Никто не посмеет тебя тронуть.

Хотелось бы верить. Она потуже затянула шнурки на ботинках и вышла из дома.

Начиналось бабье лето. В этом году оно пришло гораздо позже обычного, но Марии больше нравились тихие погожие деньки, чем привычные осенние ливни. Люди тоже не возражали задержавшейся теплой погоде. Нелюди, как поняла Мария, нейтрально относились ко всему. Правда, несколько соседей, которые выходили исключительно ночью, иногда возмущенно ворчали на лестничной клетке из-за повышенной солнечной активности. Волчата же, радостно

бегающие в парке, явно не расстраивались. Парочка пролетающих мимо фей остановилась, чтобы обсудить с Марией странности в лунном календаре. Как ведьма, она не могла признаться в незнании подобных тонкостей, поэтому терпеливо слушала и с важным видом поддакивала. Малышки со сверкающими крыльями неизменно благодарили ее за приятную беседу и летели дальше, гонять белок от своих складов пыльцы. Мария сделала вывод, что феям нравилась теплая осень, но они негодовали из-за ее аномальности.

Она спустилась к набережной, рассматривая по пути утыканные новостройками аллеи. Мария по дороге к реке насчитала целых четыре жилых комплекса, разного калибра и стоимости. Очевидно, людям нравилось селиться рядом с Красной. Чем-то она привлекала всех, даже нелюдей, становясь своеобразным сердцем города.

Мощеная пешеходная дорожка вывела Марию к воде. Река раскинулась от берега до берега синим шелковым полотном, блестящим в солнечных лучах. От красоты дух захватывало. Мария подошла к перилам, чувствуя себя так, будто внезапно попала на море. Простор удивлял. Все сверкало. Мария несмело легла грудью на перила, с тоской смотря на другой берег. Где-то там сейчас была бабушка. Интересно, она знает, что произошло? Сказали ли ей? Приезжала ли полиция?

Мария поторопилась выкинуть лишние мысли из головы. Сейчас не время и не место, чтобы страдать из-за случившегося. Она посмотрела воду, затем развернулась к набережной. Ей нравилось смотреть, как мимо проходят люди.

Это вселяло надежду. Вокруг столько созданий с разными судьбами, столько индивидуальностей. Иногда случаются неприятности, иногда бывают проблемы, даже беда может прийти, когда не ждешь. А люди идут вдоль реки. Гуляют, смеются, плачут. Все они пережили свои трагедии, у всех есть история, которую не хочется рассказывать. И не сдаются ведь, живут дальше.

Если они смогли, Мария тоже сможет. Невелика беда – умереть и воскреснуть. Кому-то вообще не достается вторых шансов. А у нее сейчас вообще спокойная безоблачная жизнь.

– Ка-а-ар!

Мария дернулась, услышав протяжный вскрик совсем рядом с собой. Там сидел ворон. Он, словно капелька чернил на синем шелке, завис над водой, цепляясь за перила, точнее, за выступающий от них железный прут. Ворон не расправлял крыльев, не пушил перья, хотя ветер наверняка сдувал его с насеста.

Огромная черная птица смотрела на Марию ониксовой бусинкой глаза. Лоснящиеся перья сверкали на солнце. И ни одно из них не шевелилось, будто приклеили. Это существо создала не природа, или же на нем висело какое-то заклятье.

Мария откинула со лба растрепавшиеся на ветру локоны, чтобы лучше разглядеть птицу. Происходило нечто неправильное, и ворон хотел, чтобы она смотрела.

Мария не стала разочаровывать его. Он убедился, что все внимание теперь принадлежит ему, и расправил крылья. Они темным знаменем повисли в воздухе. Помедлив, ворон сорвался вниз. У него не было ни шанса полететь, не взмахнув крыльями, но что-то оттолкнуло его от воды.

Птица бумажным самолетиком пронеслась над поверхностью реки и взмыла в небо. Мария смотрела на удаляющуюся фигурка. Она не знала, что должно произойти, но понимала, что ничего хорошего.

Птица замерла в воздухе, ее словно распластало по небосводу. И тут она камнем упала вниз. Всплеск реки, и все закончилось. Мария не услышала ни вскрика, ни отчаянного хлопанья крыльями по воде. Птица словно ушла ко дну по своей воле, даже не пытаясь плыть. Мария смотрела в то место, где исчез ворон, боясь что-то упустить. Ее била крупная дрожь. Краски погожего осеннего дня смазались в одну вызывающе пеструю картинку. Мария не могла обратиться за помощью, не могла рассказать о случившемся. Сначала она пожалела птицу, решив, что это фамильяр, но осознание заставило ее побледнеть – это было лишь началом спектакля. Ворон не утопился.

Встречать грядущее в одиночестве было боязно. Мария увидела, как на поверхности реки расплываются круги. Вода закружилась в стремительном водовороте, разрушая мирное течение. Из его центра вылетела птица. Казалось, даже небеса помрачнели на мгновение.

Мария сжала перила до боли в руках. На ее лицо набежала тень беспокойства. А ворон неумолимо приближался. Через мгновение на набережной стало слышно, как он бьет крыльями по воздуху. Мерные хлопки напоминали звук мокрой простыни на ветру.

Птица шлепнулась на набережной в двух шагах от Марии. Люди не обратили на нее внимания, будто ныряющие в реку вороны были обыденностью. Птица поднялась на лапки, убедилась, что Мария до сих пор смотрит, и пошла по тротуару в другую сторону.

Ворон так и не сложил крылья, и мокрые перья тащились за ним по мостовой. Он чеканным шагом, нелепо задирая лапки, приближался к краю набережной. Там, за кустами пируса, начиналась земля. Не парк и не клумба, а просто природа. В этой точке заканчивался город, и начинался берег реки. Мария встала на краю мостовой и посмотрела на ворона. Он замер в паре метров от нее, оглянулся и захлопал крыльями, окропляя истоптанную землю с жухлой травой. У него заметно увеличился зоб, будто ворон проглотил какую-то дрянь и не мог выплюнуть. Он молчал. Мария не знала, что делать.

Ворон снова зашагал. Он не удалялся от Марии, но и не приближался к ней, просто кругами ходил по траве, пока следы от его лапок не превратились в темную спираль. Ворон смотрел на Марию. В его блестящем ониксовом взгляде чудилась угроза.

О птице нельзя сказать, испытывает она эмоции или нет, но вот человек, разглядывая трясогузку или канарейку, способен определить, какие чувства она у него вызывает. Ворон заставлял Марию нервно сглатывать и держать руки скрещенными на груди. Она словно боялась, что он взбесится и нападет. Мария искала объяснение его поведению, но не находила. В глазах ворона была пустота, мрачная неизвестность, которая пугала куда больше открытой агрессии.

Он раззявил клюв. Из его горла вырвался то ли хрип, то ли крик. Мария разглядела тонкие нити, свисающие из клюва. Судя по всему, ворон съел что-то похожее на клубок водорослей, по крайней мере, попытался.

Все его тело содрогнулось, и снова послышался птичий крик. Вопль отчаяния заглушала застрявшая в горле пакость. Мария хотела подбежать и вытащить

комком из птицы, но решила, что лучше этого не делать. Любому состраданию был предел. Это точно была не обычная птица. Как понять, кто или что ее сюда прислало?

Ворон натужно каркнул, отхаркнув на землю влажный комком. Мария сжала в руке расшитую заклинанием ленту. В душе она знала, что ничем хорошим это не кончится. Так и было.

Комок расплзся по земле. Спираль напоминала залитый дегтем асфальт, вот только чернота, словно живая, сама направляла тонкие ручейки, формируя рисунок. Птица замерла в центре спирали, позволяя опутать лапки, склеить крылья. Прощальный взгляд, и ее фигурка растворилась в кляксе.

Мария прикрыла глаза руками, стараясь выровнять дыхание. Ее сердце в сумасшедшем ритме колотилось в груди. Когда она вновь посмотрела на берег, птицы уже не было, как и кляксы.

Прямо за кустами пируса начиналась лестница, круто уходящая вниз, к частным домам и небольшим пятиэтажкам. Мария знала, что города там не было. Он заканчивался, за пирусом был только кусочек правого берега, небольшой песчаный пляжик и все.

Однако ее глаза видели новый район города: высокие тополи, прохожие, небольшой парк, припаркованные автомобили. Мария беспомощно огляделась. Хотелось увидеть хоть одно знакомое лицо, пусть даже слуги Смерти. Ее взгляд остановился на высоком шпиле странного здания внизу. Уже издалека Мария видела витражные окна, пурпурную черепицу и черную кирпичную кладку. Этот дом явно был лишним в пасторальном пейзаже, как и другие постройки. Но этот черный шпиль на кровавой крыше...

Мария почувствовала, как подгибаются ее коленки. Она с ужасом смотрела на лестницу, которая начиналась в метре от нее. В глазах опасно потемнело. Вот-вот она покатится кубарем по бетонным ступенькам напрямик на улицу, которой вообще не должно существовать!

Чьи-то сильные руки подхватили Марию, не дав свалиться. Она с облегчением выдохнула, цепляясь за незнакомца так, будто от этого зависела ее жизнь. Впрочем, так оно и было.

Черные точки все еще мешали ей рассмотреть спасителя, поэтому Мария часто часто моргала. Кажется, незнакомец не возражал, что она до сих пор висит на нем. Мария вдохнула поглубже, чувствуя приятный древесный аромат и что-то горьковато-цитрусовое. Она осторожно встала на ноги, придерживаясь за мужчину, и подняла взгляд. Слова благодарности застряли у нее в горле.

Глава 6. Оберег

Мария дернулась, чуть не упав с той же многострадальной лестницы вниз. Мужчина обхватил ее за талию и мягко улыбнулся. Мария смотрела на него и не могла поверить. Она точно знала, что перед ней стоит Ярослав, но для верности украдкой глянула на его руку. Из-под пиджака виднелся узор из кленовых листьев, морошки и тонких прутиков березы. Это точно был Ярослав.

Мария потупилась. Как реагировать? Поприветствовать и поблагодарить? Знакомы ли они?

Ярослав, видимо, догадывался о смущении Марии, хоть и не понимал причин. Он подтолкнул девушку к набережной, подальше от уходящих вниз ступеней, и тактично отошел.

– Давно тут живу, – будничным тоном сообщил Ярослав, – но еще ни разу не видел этой лестницы. Не знаете, что там за улица?

– Нет.

Мария покраснела и поправила накидку. Заговоренная вещь помогала защититься от нежелательных взглядов и размывала образ носящего, чтобы собеседник не смог запомнить лица. Ярослав выглядел озадаченным. Видимо, не мог рассмотреть ее из-за магии.

Он стоял перед ней, прищурившись. Одна рука в кармане, другая нервно барабанила по бедру. Темные густые брови сошлись к переносице, губы недовольно поджаты. Крылья носа раздувались, как у учуявшей добычу гончей, но Ярослав выглядел немного рассеянным. Он словно решил самую сложную

задачу в своей жизни, отвлекся на мгновение и теперь не может вспомнить верный ответ.

- Не хотите прогуляться? - предложил он.

- Нет.

Мария переступила с ноги на ногу. Ей казалось, что она сейчас что-то упускает. Может, нужно сообщить, что его поджидает Смерть через две-три недели? Ярославу нужна помощь, но про компанию уговора не было. Они не обязаны дружить. Мария поморщилась. Ярослав казался приятным молодым человеком, но после встречи с Арсением у любой напроочь отобьется желание ходить на свидания в целом, а особенно с милыми и вежливыми. В тихом омуте водились Забытый и его хтонические твари из теней.

- Извините, - сказала Мария. - Я вам очень благодарна за помощь, просто растерялась. Простите, мне нужно бежать. Я тороплюсь.

Ей захотелось добавить: «Может, в следующий раз». Вот только в следующий раз она планировала прийти к Ярославу уже с его сердцем. Получилось бы неловко. Встреча двух влюбленных, а тут она с: «Ну что, когда пойдем пить кофе? К тебе или ко мне? Помнишь, ты приглашал». Это было бы фиаско.

- Странно, - с кривой улыбкой произнес Ярослав. - Я за вами наблюдал, прежде чем подойти. Вы просто прогуливались.

Мария смутилась. Ей стало интересно, как много он успел увидеть. Если Ярослав заметил странную ворону, то еще ничего. А если для окружающих птицы не было, то Мария становилось стукнутой на голову дамочкой, которая сначала пялилась на воду, а потом наблюдала, как растет пирус.

Что ж, хрупкая мужская психика могла такого не выдержать.

- И много вы увидели? - спросила она.

- Ничего особенного. Меня постоянно отвлекали от созерцания прекрасного.

Кажется, встреча с блуждающими огоньками сильно повлияла на Ярослава. Нормальный человек вряд ли назвал бы худую девицу в балахоне, бегающую по набережной, «прекрасным». Мария решила, что Ярослав намекает на пейзаж и ни на что другое, и успокоилась. Лишние волнения ей сейчас ни к чему. И сердце пусть бьется ровно. Аритмия им ни к чему.

– Знаете, мне кажется, мы уже где-то виделись, – заметил Ярослав. – Никак не могу вспомнить, где.

– Вряд ли.

Мария натянуто улыбнулась. Ситуацию нужно было спасти. Если Ярослав знал ее по той, прошлой жизни, могут возникнуть проблемы. А как призрака он не должен был ее запомнить.

«Мари, – сказала она себе. – Ты Мари, не Анна».

Ярослав склонил голову на бок. Его карие глаза на солнце превращались в светлые, ореховые, с теплыми кофейными искорками. Ярослав не предпринимал попыток сблизиться, но ее тянуло к нему как магнитом. Хотелось слушать его бархатистый низкий голос, касаться руки, смотреть на него, дышать его парфюмом. Мария с трудом справилась с наваждением. Она решила, что это какая-то врожденная особенность нелюдя, и усилием заставила себя шагнуть назад.

– Как вас зовут? – тихо спросил Ярослав.

– А... – Она запнулась. – Мари.

Ярослав улыбнулся. Он выглядел так, будто знал ее от и до, догадывался о каждой маленькой тайне, что она пыталась скрыть. Ведьмино счастье полыхало огнем. Мария потерла место под ключицей, но жжение не прекратилось. Наверное, так ощущался процесс вбивания краски под кожу иглой.

Мария посмотрела на идущую вниз лестницу, хвост которой прятался между деревьев.

– Мне правда пора, – сказала она, проходя мимо нелюдя.

Оберег опалил ее кожу, голова гудела от мыслей, но Мария упорно шла вперед. Ворона не просто так звала ее вниз, а значит, придется проверить, откуда здесь эта улица. Мария спустилась на несколько ступенек, приближаясь к загадочному черному шпилю. Она решила, что прежде всего узнает, откуда взялся этот дом и зачем он там. Может, заодно проверит, кто живет в этом районе.

– Хорошо, – бросил ей в спину Ярослав. – Тогда я вас провожу.

И он спустился, быстро догнав ее. Мария чувствовала себя увереннее, когда рядом шел двухметровый мужчина с внушительным разворотом плеч и самоуверенной миной, но не хотела впутывать Ярослава в свои дела. Она и сама справилась бы с разведкой. А если птица заманивала ее в ловушку? Мария готова была пропасть сама, но подвергать опасности других не имела права.

– Нет, – возмутилась она, останавливаясь на узкой ступеньке. – Я не разрешала вам за мной ходить.

– Я не хожу за вами, я просто отираюсь рядом.

Ярослав лукаво улыбнулся и спустился еще на пару ступенек, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Мария под его хитрым взглядом смешалась окончательно. И как с ним говорить? Она готова была сообщить, что Ярослав подвергает себя опасности, находясь рядом с ней, но татуировка предупреждающе нагрелась. Мария мысленно выругалась. Ярослав стоял в расслабленной позе уверенного в своей правоте человека, ни капли не смущаясь, что они перегородили дорогу. По лестнице никто не торопился спускаться или подниматься, но сам факт! Мария поправила волосы, чувствуя себя не в своей тарелке. С утра она забыла собрать их в хвост, и теперь непослушные прядки от порывов ветра льнули к плечам Ярослава, иногда задевая даже подбородок. Он улыбался.

Просто стоял на расстоянии вытянутой руки от нее и улыбался. Она не могла понять, чем он ее так цепляет, но чувствовала себя натянутой струной. Ей хотелось или зазвенеть мелодией, или лопнуть от переизбытка чувств. Ярослав не торопил ее, не уговаривал. Просто был рядом. И улыбался. Так, будто они уже давным-давно обо всем договорились, и он точно знает, что сейчас произойдет.

Мария вздохнула. Она уже не пыталась собрать копну своих волос, позволяя им нагло гладить плечи нелюдя. Тот, кажется, не возражал. Мария заметила, как он дернул рукой, будто собираясь поймать одну из ее длинных прядок, пропустить шелк волос между пальцев, но сдержался. Его зрачки расширились, затопив коричнево-ореховую радужку.

Пора было с этим заканчивать.

– Я не пойду с вами, – заявила Мария.

– Вот так досада. Потому что без меня вы тоже не пойдете.

– Вы не имеете права.

– А вы не знаете, во что ввязываетесь, – парировал Ярослав, скрещивая руки на груди.

Они стояли на одном уровне, и все же ему удавалось смотреть на Марию свысока. Его самоуверенность и непошибаемость бесили.

– Я живу здесь давно, – медленно произнес Ярослав. – И ни разу не видел этой лестницы. Вы знаете, куда собираетесь спуститься?

– Нет, – призналась Мария. – Но я могу за себя постоять.

Улыбка вернулась на лицо Ярослава. Он неторопливо, давая Марии осознать, что собирается сделать, взял ее запястье и обхватил его большим и указательным пальцем. Рука Ярослава выглядела огромной. Хрупкое светлое запястье девушки терялось на ее фоне. Мария поняла, что в кольцо его пальцев вполне может поместиться полторы ее руки. Да, она явно проигрывала ему в силе.

– Я не собираюсь махать кулаками, – фыркнула Мария.

– Удивительно, – спокойно ответил Ярослав. – Потому что я не представляю, как ведьма справится с истинным, древним нелюдем. Какие вообще у вас были варианты? Сделать наговор на понос?

Мария прыснула, тут же устыдившись. Ее пробрало от такой плоской шутки! Смех все равно рвался наружу, и Мария решила не прятать улыбку. С нее не убудет, а диалог станет не таким неловким и натянутым.

Ярослав погладил большим пальцем тонкую кожу ее запястья. Этот жест выглядел совершенно обыденно, будто они сотню раз уже гуляли вместе и болтали о пустяках. И поглаживание – почти дружеская ласка, не требующая особого внимания. Ярослав внешне был спокоен, но Мария чувствовала, как его рука чуть дрожит, выводя узоры на ее коже. Он касался нежно и умело, как человек, проделывавший подобное сотни раз. Марии эта мысль не понравилась. Она убрала руку, и Ярослав без возражений отпустил ее, но в его взгляде мелькнуло разочарование.

– Мне это не понадобится, – сказала Мария, слегка покраснев.

– Думаете, ваша чудесная накидка поможет? Она не даст вас запомнить, но упыри никогда и не спрашивали имена жертв. Я не могу позволить вам так глупо погибнуть.

– Я просто спущусь туда и вернусь.

Она уже чувствовала себя ребенком, отпрашивающимся у родителей погулять еще часок. Мария даже не до конца понимала, зачем препирается с каким-то незнакомцем. Она могла пройти мимо, проигнорировать, пригрозить полицией или старшими братьями, придумать буквально что угодно, а вместо этого стояла с ним и терпеливо слушала его доводы. Конечно, Ярослав говорил разумные вещи, но суть оставалась та же. Мария покачала головой, сетуя на собственную мягкотелость.

– Если вам так тяжело воспринимать меня как компаньона, – сказал Ярослав, – давайте сделаем вид, что я – оберег.

– Не понимаю.

– Вы, ведьмы, любите их делать. Маленькие незаметные символы, которые вряд ли помогут, но смотришь на них и чувствуешь себя увереннее.

- Обереги работают, - проворчала Мария.

Один только что жег ее ключицу, так что она на собственном опыте убедилась, что оберег - штука действенная. Ярослав улыбнулся и отвел взгляд. Может, ему резко захотелось полюбоваться рекой, но Мария догадывалась, что он просто не хочет ее расстраивать своим скепсисом.

- Они работают, - возмутилась она. - Вы же не можете меня запомнить.

Ярослав со смешком поймал ее прядь и позволил ей скользнуть между пальцев. Он был предельно осторожен, ни единой волосинки не дернул. Ярослав посмотрел на прядь, приподнял ее, позволяя солнечным бликам скользить по ней, превращая каштановый в рыжий, а потом и в золотой.

- Работают, - улыбнулся он. - Очень плохо, но работают. Например, ваша накидка должна скрыть личность, верно?

Мария кивнула. Ярослав со вздохом выпустил прядь.

- А я чувствую ваш запах. Любой оборотень найдет вас за пару часов только по нему. А еще у вас очаровательный голос и прекрасные волосы. Первый раз вижу такой оттенок. Как думаете, этих примет хватит, чтобы опознать вас?

Мария сглотнула. Она как-то не подумала, что накидки будет недостаточно, чтобы спрятаться. Мысленно Мария сделала себе пометку: после прихода в квартиру отыскать в дневниках дополнительные средства защиты. Ярослав прав. Если на нее кто-то нападет, она даже проклясть не сумеет. Способности принадлежали не ей, и пользоваться ими Мария не умела.

- Если вам так нравятся обереги, воспринимайте меня, как один из них. Я просто буду рядом, внушать уверенность. Можете изредка любоваться мной.

- Будете плохо работать? - улыбнулась Мария.

- Вообще не работать, - подтвердил Ярослав, выключая телефон. - Всего лишь ваш оберег. И ничего больше. Такой, как у вас на коже.

Мария вскинула брови. Она была в накидке и плотной футболке с узким горлышком, так что Ярослав ни при каких условиях не смог бы рассмотреть ее не-совсем-татуировку. Будто прочитав ее мысли, он улыбнулся.

– Понятия не имею, зачем он вам и что должен делать, – пояснил Ярослав, – но пахнет изумительно.

Мария задумалась. Она тоже не знала, как работает ведьмино счастье, но вряд ли как замена духов. Хотя, кто знает? Мария и предположить не могла, о чем мечтают ведьмы. По тому, как Ярослав с наслаждением втягивал воздух, можно было догадаться, что вряд ли их желания были приличными. Сама Мария не чувствовала никакого аромата. А у Ярослава на каждом вдохе трепетали ресницы и дрожали зрачки. Маленькие детали, но из них она могла составить целую картину. И мысленно поблагодарить оборотня за сдержанность.

Ярослав продолжал стоять перед ней в ожидании согласия. Мария была уверена, что в случае отказа он просто продолжит спор. Ей предоставили выбор, но только на словах.

– Хорошо, – решила она. – Пойдем, оберег.

Ярослав лучезарно улыбнулся и подхватил ее под руку. Мария не возражала. Ей всю неделю не хватало компании – и вот судьба подарила ей отличный шанс сблизиться с другим человеком. Она спасла его, он – ее. Идиллия. Знакомство ни к чему не обязывало, а Ярослав мог сильно помочь ей, подсказав, что за сердце потерялось и как его искать.

Мария заметила, что татуировка на его руке выглядела не так блекло, как в видении. Может, восприятие просто исказилось магией Забытого. Может, у Ярослава были какие-то подвижки в лучшую сторону. В любом случае, Мария осталась довольна своим решением.

Они спускались молча, но тишина не тяготила их. Оба рассматривали неизвестную часть города. Ярослав – спокойно, Мария – настороженно. Лестница увела их на добрых сто метров вниз.

Мария запоздало прищурилась. Как они могли все это время спускаться, если справа текла река? И на ней не было никаких водопадов, течение оставалось

спокойным еще на несколько километров вниз. Как она изначально и подумала, этой части города просто не могло существовать. Мария оглянулась. Над ними возвышались деревья, густыми кронами закрывая вид на реку и верхний город.

Спустившись, они с Ярославом оказались в начале длинной улицы, которая вела к тому зданию, что так заинтересовало Марию. Больше всего удивляло отсутствие поворотов: никаких перекрестков, закоулков, аллей или даже съездов во двор. Только асфальтированная дорога и узкие тротуары для пешеходов. Присмотревшись, Мария прочитала надпись на табличке у ближайшего дома.

Улица Теней. Дом 3.

- Что думаешь? - шепотом спросила она у Ярослава.

- Пока не уверен.

Он осмотрелся. Его лицо не выражало ничего: ни беспокойства, ни опасения. Марию успокаивала его сдержанность. Казалось, что даже если небо упадет на землю, Ярослав разберется, как с этим справиться. Его спокойствие неплохо компенсировало нервозность Марии, уже успевшей нафантазировать себе всякого разного. Она уже верила и в похищение инопланетянами, и во второе пришествие, и в конец света по календарю непонятного народца. Мария не согласилась бы только с одной версией: что это всего лишь кусочек города, который они раньше не замечали.

Ярослав протянул ей ладонь, предлагая взяться за руки. Он не просил и даже не смотрел на спутницу, просто отпустил локоть и жестом показал, что лучше перехватиться поудобнее. Мария неуверенно вложила свою ладонь в его. Он улыбнулся одним лишь краешком губ, не поворачиваясь. Морщинка на лбу Ярослава разгладилась, будто его не волновала ни пропажа реки, ни неизвестная улица, а только согласится ли Мария прогуляться за ручку или нет.

Она фыркнула. Нет бы заняться проблемами посерьезнее! Они идут по непонятной улице Теней, а впереди маячит черное здание с пурпурной крышей и высоким шпилем. У них нет ни карты, ни четкого плана, а из способов защиты только кулаки Ярослава и наговор на понос. Мария улыбнулась. Что ж, по крайней мере, ей не приходится бродить здесь одной.

Ярослав ободряюще сжал ее руку и большим пальцем погладил внутреннюю сторону запястья. Чувствительная кожа отреагировала на его прикосновение, как на щекотку, но приятную. Мария сжала руку Ярослава в ответ. Они пошли вперед, к черному зданию.

Глава 7. Черная мельница

Они не знали, куда идти. К счастью, улица Теней и не предлагала своим гостям вариантов. Либо прямо, либо назад. Мария с тревогой оглянулась на лестницу. Ступеньки уходили вверх, к скрытому за кронами городу. Где-то там смеялись дети, переговаривались взрослые, шумела река. На улице Теней не было ни души, хотя Мария готова была поклясться, что видела здесь людей. Такое впечатление, будто они спрятались и сейчас внимательно следят за чужаками из-за штор. Мария поежилась.

– А мы сможем вернуться?

Ярослав с задумчивым видом посмотрел на дома. Сверху все смотрелось иначе, почти нормально, а вблизи здания выглядели неуместно. На улице смешались разные стили и эпохи, превращая район в настоящий бедлам. Здесь стояли и скромные дачные домики с уличными туалетами, и особняки в викторианском стиле, и лаконичные high-tech дома. Даже сталинка нашлась неподалеку. Место чем-то напоминало свалку, но даже у той были какие-то общие правила, а улица Теней походила на костюмированную вечеринку, где все притворилось другими людьми. Оказавшись здесь, любой человек с недоумением ушел бы. Место производило странное впечатление, но манило. Когда иллюзия нормальности спадала, хотелось рассмотреть все, понять, как это уживается в одном месте.

Мария пришла сюда ради ответов, а в итоге у нее появилось еще больше вопросов.

Ярослав с интересом осматривался.

– А зачем вам понадобилось спуститься сюда? – спросил он.

Мария прикусила язык. «Меня сюда ворон позвал» – ужасное объяснение. Хуже и не придумаешь. Потом отправит еще в психушку, отучать от разговоров с птицами, и попробуй докажи, что ты нормальная. Мария лихорадочно придумывала подходящую историю, чтобы выдать ее нелюдю.

– Понятно, – кивнул Ярослав. – То есть любопытство сгубило и кошку, и ведьму.

– Мне нужно зайти в то здание, – нехотя призналась Мария.

– Зачем, радость моя?

Ярослав перешел на тот тон, который люди обычно приберегают для капризных маленьких детей и тяжелобольных. Он говорил мягко и вкрадчиво, не надеясь на понимание и готовясь к худшему.

– Кажется, мне надо туда, – сказала Мария.

Она мучительно краснела под насмешливым взглядом нелюдя. Ярослав вздохнул и ласково погладил ее ладонь.

– Хорошо, – согласился он.

У Марии возникло подозрение, что он не спорит с ее идиотским решением пойти непонятно куда и непонятно зачем исключительно ради возможности под благовидным предлогом держать ее за руку. Конечно, было бы приятнее отправляться на поиски ответов с человеком, который хотя бы немного в этом заинтересован, однако других кандидатов на роль телохранителя не было. Мария знала, что нелюдь воспользуется любым предлогом, чтобы побыть с ней подольше. А еще она знала, что на улице Теней лучше не оставаться без защиты.

Они продолжили свой путь. Мария топала по тротуару, а Ярослав шел по асфальту, так как дорожка оказалась слишком узкой для двоих. Нелюдь чувствовал себя с каждой минутой все увереннее и на полпути к черному зданию решился переплести их пальцы.

Часть Марии хотела лужицей растечься у его ног, другая что-то неразборчиво бурчала на тему юных и наивных. Ярослав больше смыслил в делах романтических. Он сверкал улыбкой до ушей, едва ли не насвистывая, и предвкушал... что-то.

Мария получила ценный опыт чуть больше недели назад и радоваться знакомству не торопилась. Собственно, влюбляться она не собиралась. Оберег – это хорошо, но быть живой ей нравилось больше. Если свидание с человеком закончилось так трагично, то что с ней сделает нелюдь она даже представить боялась.

Мари. Она теперь Мари. Тоже нелюдь, пусть и очеловеченный. Она не вернется к нормальной жизни, так что придется привыкать к такой.

Улица пустовала. Не было видно ни одного живого существа, даже птицы не пролетали у них над головами. По пути к черному зданию они не заметили ни открытых дверей, ни присутствия хоть кого-то в домах. И все же они слышали их. Где-то проезжали машины, разговаривали люди, даже пару раз расплакался ребенок. Но это будто происходило через улицу от них, где-то с другой стороны, до которой не было возможности добраться.

Ярослав воспринимал происходящее с философским безразличием. Никто не нападал на него, а значит, не требовалось защищаться. Следовательно, они были в безопасности. Логика безупречная, вот только Мария уже успела повидать всякое. Возможно, они упускали какую-то деталь, из-за которой не складывался весь пазл. Больше всего злило отсутствие подсказок. Улица Теней что-то прятала от них и не желала даже намекнуть, с какой стороны ждать подвоха. Мария чувствовала себя как на иголках, и даже ободряющие прикосновения Ярослава не помогали.

Они подошли к черному дому. Он был сделан из очень темного кирпича, который будто поглощал свет. Если говорить метафорами, этот дом строили из теней. Его пурпурная кровля блестела на солнце пролитым вином, подчеркивая черноту самого здания. Шпиль иглой торчал из центра, втыкаясь острием в небо. Другие здания поблизости были всего лишь одноэтажными, поэтому черный дом выглядел монстром на их фоне. Вытянутый, в готическом стиле, с кучей стрельчатых арок и порталов, он производил впечатление. У его мрачности была определенная харизма.

Даже зло порой может притягивать восхищенные взгляды.

- Вы уверены, что хотите зайти? – уточнил Ярослав. – Может, посмотрим и домой?

Его слова вызвали слабую улыбку у Марии. Домой. Смешно. Хочет зайти? Да глаза б ее эту лестницу не видели. Есть такое слово. «Надо».

- Можете подождать здесь, – разрешила Мария. – Я быстро.

- Пожалуй, буду преследовать до последнего, – улыбнулся Ярослав. – Только не говорите, что пришли исповедаться. Я ни за что не поверю.

Повисла пауза. Театральный эффект был достигнут, и Ярослав продолжил:

- Такой ангел, как вы, просто не может быть грешницей.

Мария захохотала. Ее голос заглушил остальные звуки, и она тут же стыдливо прикрыла рот ладошкой. Ярослав с самым довольным видом смотрел на нее, наслаждаясь произведённым эффектом. Его взгляд пробирал до мурашек. Мария знала, что он просто не может ее видеть: уж точно не такой, какой она была на самом деле. И все равно ей хотелось верить, что Ярослав восхищается. Что ему нравится ее голос, волосы, глаза, мелкие черты лица. Глупое желание, наивное. Но Марии по паспорту было всего восемнадцать лет, так что она могла себе позволить немного инфантильности.

«Я верну ему сердце, – напомнила она себе. – Он меня забудет. Мы забудем друг друга. Так будет правильно».

- Ради бога, выкиньте ваш сборник анекдотов за седьмой год. Он вас ничему не научит, – строго пресекла дальнейшие попытки сблизиться Мария.

- Думал, мои глупые шутки помогут вам расслабиться.

Мария посмотрела в другую сторону, на церковь. Ярослав тоже отвернулся. Они крепко держали друг друга за руки, и Мария надеялась, что это – единственное, что их теперь связывало.

– Идем? – предложил Ярослав.

Мария кивнула и высвободила свою ладошку. Ей тут же стало холодно. Она поджала губы и решительно пошла вперед, поднимаясь по ступенькам.

Интересно, почему он назвал обычное здание с витражными окнами церковью? Ведь ни капли не похоже. У религиозных заведений обычно есть какие-то опознавательные знаки, а тут всего лишь черный кирпич, длинный шпиль и все. Обычная крыша, обычная архитектура, хоть и немного вычурная. Мария попыталась развлечь себя, думая о всяких пустяках, лишь бы не возвращаться мыслями к Ярославу и их странной близости. Может, не стоило давать ему руку? Вдруг он истолковал это не как дружеский жест?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rel-_keylet/vniz-po-ulice-teney

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)